

УДК 81-119
ББК 81
DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_73

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ Э.М. АРНДТА: ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТОЛИНГВИСТИКИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

*Олег Анатольевич Радченко,
orcid.org/0000-0003-3808-9461,
доктор филологических наук, профессор
Образовательная корпорация
«Грейбридж Мэлкэм»
Карлинг Авеню, д. 1225, офис 610
Оттава, Онтарио, K1Z 8R9, Канада
radoleg@gmail.com*

Аннотация. Предлагаемая статья предваряет первую публикацию на русском языке памфлета немецкого поэта, лингвиста, философа и политика Эрнста Морица Арндта «Рейн, река Германии, но не граница Германии». В статье приведены биографические данные об авторе памфлета, кратко охарактеризован научный и политический контекст его публикации в 1813 г. Эта публикация открывает серию переводов трудов выдающихся лингвистов XIX и XX вв., оказавших существенное влияние на развитие науки о языке и её различных дисциплин.

Ключевые слова: история языкознания, Эрнст Мориц Арндт, политолингвистика, родной язык, языковое сообщество и государство.

E. M. ARNDT'S POLITICAL PAMPHLET: THE EMERGENCE OF POLITICAL LINGUISTICS IN GERMAN LANGUAGE STUDIES

*Oleg A. Radchenko,
orcid.org/0000-0003-3808-9461,
Doctor of Philology, Professor
Graybridge Malkam Educational Corporation,
1525 Carling Avenue, Suite 610
Ottawa, Ontario, K1Z 8R9 Canada
radoleg@gmail.com*

Abstract. The present article serves as an introduction to the first ever publication in Russian of the pamphlet by the German poet, linguist, philosopher, and politician Ernst Moritz Arndt, “*The Rhine, a River of Germany, but Not a Boundary of Germany.*” The article provides biographical information about the author of the pamphlet and briefly characterizes the scholarly and political context of its publication in 1813. This publication opens a series of translations of works by outstanding linguists of the nineteenth and twentieth centuries who exerted a significant influence on the development of the science of language and its various disciplines.

Keywords: History of Linguistics, Ernst Moritz Arndt, Political Linguistics, mothertongue, linguistic community and state.

Переводом классического памфлета немецкого философа, политика и лингвиста Эрнста Морица Арндта (1769–1860) наш журнал возобновляет

замечательную традицию советского языкознания – публикацию переводов трудов выдающихся лингвистов прошлого на русский язык, традицию, заложенную В. А. Звегинцевым и его сподвижниками [Звегинцев, 1964; Звегинцев, 1965]. Эти труды, вне всякого сомнения, перекликаются с современностью, поэтому столь важно сохранить память о них, их идеи, их звучание для нового поколения лингвистов, литературоведов, философов, для которых они ныне трудно- или вовсе недоступны. История языкознания всё ещё хранит множество сокровищ, без овладения которыми новые горизонты нашей науки окажутся *fata morgana*, а выдвигаемые новые теории и принципы будут исторической тавтологией, хотя их авторы даже не подозревают об этом.

Предлагаемая в русском переводе публикация Э.М. Арндта неслучайно стоит первой в ряду переводимых трудов немецких лингвистов XIX столетия. Она была написана в русле той дисциплины, которую мы сейчас называем *политолингвистикой*, и её вполне можно рассматривать как одну из первых работ на заре формирования этой дисциплины. Она вышла в свет в 1813 г., знаменательном и знаковом для Европы: после поражения Наполеона в России основным полем битвы с французскими завоевателями становится всё ещё раздробленная на тот момент Германия, поднимающаяся на Освободительную войну – впереди её ожидают взятие Берлина русскими войсками, битвы под Галле и Бауценом, Дрезденское сражение и, наконец, Битва народов под Лейпцигом, от поражения в которой Франции так и не удалось оправиться. Созданный ей Рейнский союз прекращает своё существование, французские войска отступают за Рейн. Но ещё до начала этих событий Арндт пишет своё патриотическое послание к немцам (и косвенно обращается к будущим победителям Наполеона России, Англии, Австрии и Пруссии), чтобы призвать их к борьбе с оккупацией рейнской территории и попытками Франции сохранить её в будущем за собой в результате переговоров с союзниками по антинаполеоновской коалиции, возможность которых Арндт предполагает уже сейчас.

Однако идеи, изложенные им в этом памфлете, охватывают гораздо более широкий круг проблем, основную из которых он формулирует в начале публикации: что считать границей между государствами и народами и как её определять? Существенным для развития всей немецкой философии языка XIX и первой половины XX вв. стал лозунг Арндта, признавшего *единственным критерием такого разграничения родной язык*. Для обоснования своей позиции он обращается к истории древности, фактам политической истории, особенностям отношений между Германией и Францией, отличиям в менталитете народов, различным аспектам культуры и науки, наконец, к травматическим переживаниям немцев, связанным с французской оккупацией. Вне всякого сомнения, текст Арндта полон преувеличений, связанных с его желанием воспламенить сердца немцев и сподвигнуть их на преодоление национального унижения, длившегося более двадцати лет. Он полемизирует со сторонниками французской аргументации, оправдывавшими все те жестокости и все те события, которые сопровождали нашествие французских войск на Европу.

Однако лейтмотивом памфлета остаётся стремление автора вернуть немцам любовь к Отечеству, верность его идеалам и прошлому, гордость за свою историю и подвиги предков в борьбе с другими, не менее жестокими завоевателями – римлянами. Патриотический дух, наполняющий каждую строку этого текста, опора на родной язык как на достояние, которое, возможно, не вызывает столь сильного чувства в мирное время, как в те моменты, когда оно подвергается серьёзным угрозам, когда части языкового сообщества грозит реэтнизация, а с ней – утрата родного языка и связи с исконным народом, его культурой и прошлым, – эти мысли Арндта остаются крайне актуальными и в наши дни.

Следует сказать несколько слов и об авторе этого памфлета. Родившийся в 1769 г. в Померании, принадлежавшей в те времена Швеции, на острове Рюген в семье крепостного крестьянина, выкупившего свою свободу за девять месяцев до его появления на свет, он посвятил свою молодость борьбе с крепостничеством. Получив поначалу домашнее образование, он был отправлен в 1787 г. в монастырскую гимназию в Штральзунд, но бросил её через два года, не видя смысла в продолжении обучения, и, вернувшись к родителям, окончил гимназию, по сути, заочно. В 1791 г. он был зачислен в Грайфсвальдский университет, затем изучал в Йенском университете протестантскую теологию, историю, географию и этнологию, а также языки и естественные науки. В 1800 г. он защитил докторскую диссертацию по истории и филологии, раскритиковав в ней идеи Ж.-Ж. Руссо. С 1801 г. он работал приват-доцентом Грайфсвальдского университета, а в 1803 г. спровоцировал грандиозный судебный скандал своим «Опытом истории крепостничества в Померании и на Рюгене» [Arndt, 1803], однако благодаря этому крепостное право было через три года отменено на этой территории шведским королём, которому она тогда принадлежала. С 1806 г. он начинает публиковать работы, в которых выступает с резкой критикой Наполеона, за что он был вынужден бежать в Швецию уже в декабре 1806 г. после побед Наполеона в битвах под Йеной и Ауэрштедтом. В 1809 г. он нелегально возвращается в Кёнигсберг, под покровительство барона Г.Ф.К. фон унд цум Штайна и, после непродолжительного пребывания в Берлине, эмигрирует с ним в Россию, так как в 1812 г. прусский король Фридрих Вильгельм III вынужден вступить в войну с Россией в союзе с Наполеоном, и сторонники свободы покидают страну. В Санкт-Петербурге он участвует в патриотических собраниях немцев и публикует несколько религиозных и политических трудов (на русском языке в 1812 г. выходит в свет «Глас истины» [Арндт, 1812]), в том числе для поддержки немецких солдат, воевавших на стороне России (см. подробнее [Лагутина, 2022]).

В 1813 г. он возвращается в Шведскую Померию, где пишет различные политические труды, листовки и стихотворения, в том числе и памфлет «Рейн, река Германии, но не граница Германии» [Arndt, 1813]. Он становится идейным вдохновителем национальных студенческих союзов (Burschenschaften), в 1818 г. получает должность профессора истории во вновь учреждённом Рейнском университете имени Фридриха Вильгельма в Бонне. Но уже в 1820 г. его

временно отстраняют от преподавания в связи с публикацией четвёртого тома «Духа времени» [Arndt, 1818], в котором он, якобы, высказывал либеральные идеи, и начинают его уголовное преследование в рамках Карлсбадских указов (преследования так называемых «демагогов»). Несмотря на то, что он не признал себя виновным и судебное расследование ничем не закончилось, он был вынужден уволиться из Боннского университета в 1826 г. (но был реабилитирован королём Фридрихом Вильгельмом IV через четырнадцать лет). С 1841 по 1854 г. Арндт служил ректором Боннского университета, ровно год был депутатом Франкфуртского национального собрания, но оставил политику после того, как король Пруссии отказался принять германскую корону.

Оценки трудов Арндта и его роли в становлении немецкого национального сознания существенно разнятся и всегда различались на протяжении двухсот последних лет (см. напр. [Engels, 1841; Haym, 1860; Baur, 1861; Meisner et al., 1898; Müsebeck, 1914; Заиченко, 2021]), охватывая как хвалебные, так и критические характеристики его как «националистического поэта». Хотя объективные оценки редко звучат из уст современников, пожалуй, лучше всего Арндта охарактеризовали именно они через 10 лет после кончины Арндта в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона»: «знаменитый поэт и немецкий патриот», «кипучая натура» которого требовала деятельности и которому «не позволяли спокойно заниматься профессурой» тревожные события того времени [Брокгауз и др., 1890, с. 138-139].

Библиографический список

- Арндт Э. М. Глас истины. Пер. с нем. СПб: В типографии Иос. Иоаннесова, 1812. 15 с.
- Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь: Том 2: Араго – Аутка / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон; под ред. профессора И. Е. Андреевского. СПб: Семеновская Типо-Литография (И. А. Эфрона), 1890. 478 с.
- Заиченко О. В. «Русская тема» в ранней публицистике Э.М. Арндта на фоне трансформации европейского дискурса о России на рубеже XVIII–XIX вв. // Диалог со временем. 2021. №75. С. 37-53. EDN KSKHMT.
- Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч.1. М.: Просвещение, 1964. 468 с.
- Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч.2. М.: Просвещение, 1965. 496 с.
- Лагутина И. Н. Воспоминания немецкого поэта Э.М. Арндта о его путешествии в Россию в 1812 году // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, №4. С. 183–188. DOI 10.17323/2658-5413-2022-5-4-183-188. EDN WAPJBS.
- Arndt E. M. Der Rhein, Teutschlands Strom, aber nicht Teutschlands Gränze. Leipzig: bei Wilhelm Rein, 1813. 92 S.
- Arndt E. M. Geist der Zeit. Vierter Teil. Berlin: bei G. Reimer, 1818. 606 S.
- Arndt E. M. Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen. Nebst einer Einleitung in die alte teutsche Leibeigenschaft. Berlin: Im Verlang der Realschulbuchhandlung, 1803. X. 277 S.
- Baur W. Ernst Moritz Arndts Leben, Taten und Meinungen nebst einigen seiner geistlichen und Vaterlandslieder. Ein Buch für das deutsche Volk. Zwickau: Eigentum des Vereins zur Verbreitung guter und wohlfeiler Volksschriften, 1861. 204 S.
- Engels F. Ernst Moritz Arndt // Telegraph für Deutschland. 1841. Nr. 2.
- Haym R. Ernst Moritz Arndt. Berlin, Reimer, 1860. 45 S.

Meisner H. Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild in Briefen. Nach ungedruckten und gedruckten Originalen herausgegeben / H. Meisner, R. Geerds. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1898. 561 S.
Müsebeck E. Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild. Erstes Buch. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1914. 591 S.

References

- Arndt E. M.* (1803). Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen. Nebst einer Einleitung in die alte teutsche Leibeigenschaft. Berlin: *Im Verlange der Realschulbuchhandlung*, 1803. X. 277 S.
- Arndt E. M.* (1812). The Voice of Truth. Translated from German. St. Petersburg: *In the printing house of Ios. Ioannesova*, 1812. 15 p. (in Russian)
- Arndt E. M.* (1813). Der Rhein, Deutschlands Strom, aber nicht Deutschlands Gränze. Leipzig: *bei Wilhelm Rein*, 1813. 92 S.
- Arndt E. M.* (1818). Geist der Zeit. Vierter Teil. Berlin: *bei G. Reimer*, 1818. 606 S.
- Baur W.* (1861). Ernst Moritz Arndts Leben, Taten und Meinungen nebst einigen seiner geistlichen und Vaterlandslieder. Ein Buch für das deutsche Volk. Zwickau: *Eigentum des Vereins zur Verbreitung guter und wohlfeiler Volksschriften*, 1861. 204 S.
- Brockhaus F. A., Efron I. A.* (1890). Encyclopedic Dictionary: Volume 2: Arago – Outka. Saint Petersburg: *Semenovskaya Printing House (I. A. Efron)*, 1890. 478 p. (in Russian)
- Engels F.* (1841). Ernst Moritz Arndt. *Telegraph für Deutschland*. 2.
- Haym R.* (1860). Ernst Moritz Arndt. Berlin. *Reimer*, 1860. 45 S.
- Lagutina I. N.* (2022). Memoirs of the German poet E.M. Arndt about his journey to Russia in 1812. *Philosophical Letters. Russian-European Dialogue*. 5(4): 183-188. DOI 10.17323/2658-5413-2022-5-4-183-188. (in Russian)
- Meisner H., Geerds R.* (1898). Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild in Briefen. Nach ungedruckten und gedruckten Originalen herausgegeben. Berlin: *Verlag von Georg Reimer*, 1898. 561 S.
- Müsebeck E.* (1914). Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild. Erstes Buch. Gotha: *Friedrich Andreas Perthes*, 1914. 591 S.
- Zaichenko O. V.* (2021). "The Russian theme" in the early journalism of E.M. Arndt against the background of the transformation of European discourse about Russia at the turn of the XVIII-XIX centuries. *Dialogue with Time*. 75: 37-53. (in Russian)
- Zvegintsev V. A.* (1964). The history of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts: in 2 parts, Part 1. Moscow: *Prosveshchenie*, 1964. 468 p. (in Russian)
- Zvegintsev V. A.* (1965). The history of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts: in 2 parts, Part 2. Moscow: *Prosveshchenie*, 1965. 496 p. (in Russian)

Эрнст Мориц Арндт

РЕЙН, РЕКА ГЕРМАНИИ, НО НЕ ГРАНИЦА ГЕРМАНИИ (1813)¹

Рейн – природная граница Франции, доказывал Сюлли в 1600 и 1610 гг.; *Рейн – природная граница Франции*, восклицал Ришелье в 1624 и 1635 гг.; *Рейн – природная граница Франции*, заявлял граф Д’Аво в 1640-х гг. в Мюнстере, у тех священных мест, где в древности херуск Герман изложил это римлянам иначе; *Рейн – природная граница Франции*, звучало в 1670-1700 гг. в речах Лувуа и Кольбера на заседаниях государственного совета Людовика XIV, это воспевали придворные поэты Буало и Расин в его приёмных покоях; *Рейн – природная граница Франции*, вопили чудовища на Сене с 1790 по 1800 гг. Доказательство, которое напрасно тщились добыть двести и сто лет назад, удалось на этот раз получить, благодаря нашему несчастью и нашему раздору. Заключив печальный Люневильский мир, Франция оставила себе все немецкие земли по ту сторону Рейна со всеми крепостями и укреплениями, а то, что оставалось от укреплений в городах по эту сторону Рейна, было снесено и уничтожено, чтобы Германия, во времена оно страшившая жителей на той стороне, беззащитно простиралась перед ними. Так меняются времена. Французам, которые всегда втайне надеялись покуситься на нашу честь и свободу, мы могли бы ответить на это доказательство пером и шпагой; но то, что многие немцы также сочли эту природную границу совершенно естественной и попытались обосновать это вместе с французами и на благо французов, было столь же дурно, сколь и глупо. Можно было подумать, что десять, даже двадцать лет ослепления и несчастья несколько просветили эти недалёкие умы, а замороченных привели в чувства, тем более что сами французы давно уже опровергли своё доказательство. Но ничего подобного. Всё ещё много таких, кои решительно высказываются, даже не перестают сочинять доводы и обоснования в пользу того, что Рейн-де как граница между Францией и Германией – нечто неоспоримое и решённое. Вот как воздействует издавна повторяемая фраза, и вот сколь мало привыкло думать большинство немцев, столь любящих мыслить и называть себя основательными людьми. Пустое молитвенное подражание чужим воззрениям, в особенности пустое благоговейное подражание французским выдумкам и псевдофилософствованию, стали, к сожалению, более чем модными по эту сторону Рейна в стране, которая, как полагают, является воплощением основательности и глубины. Ввиду такого состояния вещей, в особенности ввиду столь печального состояния немецких умов и сердец мне не кажется чем-то излишним представить наш старый, прекрасный и священный Рейн тем, чем он был, что он собой представляет ныне и чем он станет, доброму немецкому народу, которого сбивают с толку столь многие политические болтуны и умники, а также отразить весь этот спор в его истинном свете и правильном понимании, так, чтобы всякий верный и беспристрастный немец сам мог судить о том, какое значение имеют этот вопрос и эта борьба за Рейн.

---

¹ Перевод осуществлён д.ф.н., проф. О.А. Радченко по изданию Ernst Moritz Arndt, Der Rhein, Deutschlands Strom, aber nicht Deutschlands Grenze. Mit einer zeitgemäßen Einleitung von Edgar Wildberg. Dresden: bei Carl Reißner, 1921.

Что замышлял Генрих IV со своим Сьюлли и что он скрывал под красивым маревом европейской республики; над чем Ришелье трудился более двадцати лет, сумев сделать к этому лишь первый шаг; за что сорок лет воевал Людовик XIV, добившись столь малого – это французам удалось в наши дни сделать всего за пять лет, и не потому, что они были храбрее нас, а потому, что мы сами не были верны себе. Они объявили всему миру, что Рейн – это, якобы, конечная цель их господства, и они более не потребуют себе никаких новых земель. Это громогласно заявлял всей Европе в 1800 и 1805 гг. Наполеон. Но сколь долго держали они своё слово? Уже в 1806 г. ими была занята и объявлена французской территорией крепость Везель, находящаяся по эту сторону Рейна, под тем милым предлогом, что она есть необходимое и незаменимое передовое укрепление Франции. Через несколько лет то же самое случилось и со всем северо-западным побережьем Германии от Эмдена до устья Эльбы; да и река Траве с Любеком и Балтикой стали *необходимым рубежом великого народа и империи*. В качестве извинения, как будто насилие причиняло боль совершающему его, указывали на насущную необходимость, коя часто повелевает самыми умеренными и справедливыми властителями и принуждает их покушаться на то, чего они не желают. Вскоре после этого было уничтожено и новоиспечённое королевство Голландия; Голландия, утверждали французы, есть наносная (почему не несносная?) почва французских рек, и она была превращена во французскую территорию. Поскольку представления французов и Наполеона о природных границах Франции каждый год столь расширялись, то можно было бы предположить, что и Эльба, Одер, Висла, да и – если французское оружие привнесёт достаточно доказательств – Двина и Днепр вскоре могут быть названы природными границами Франции. Немецкие графомания и забывчивость во всём, что касается Отечества, всегда с превеликим усердием помогали французам приводить это доказательство и одурманивали толпу, коя только и способна, что слушать и читать. Но пора покончить с этой печальной ничтожностью! Лучше сказать своё слово по вопросу: *что суть природные границы народа?*

Я утверждаю: *Единственную самую обоснованную природную границу образует язык*. Разницу меж языками сотворил Господь, чтобы землю не населяла огромная толпа ленивых и ничтожных рабов. Эти разные языки устанавливают естественную разделительную преграду между народами и странами, они сотворяют великие внутренние различия между народами, дабы возникли задор и борьба живых сил и побуждений, благодаря которым сохраняется живость умов; ведь именно ради развития духа и был создан наш род человеческий. По языкам обычно разделялись на свои составные части и распадались народы и страны, и на исходе Средневековья они были достаточно успешно размечены в своих областях, пока три века назад жажда завоеваний не принялась разрушать установленный Господом естественный процесс и сливать воедино и смешивать всё самое чуждое и самое неравное.

Взглянем на наше Отечество, на Германию, какими чёткими были наши рубежи триста лет назад, во времена Максимилиана I и Лютера! Германия

означала лишь страну, в которой звучала немецкая речь, но она и была совершенно немецкой. Германии ничего не принадлежало непосредственно в Италии и Франции, а также в пограничных землях на востоке, немецкие князья не владели итальянскими и французскими территориями; так называемое «имперское владение» отдельными тамошними областями существовало больше на бумаге, чем на деле. Язык образовывал на юге вдоль Альп и Арденн природную границу, и области, где говорили по-немецки и по-фламандски, считались Германией; единственно графство Малая Бургундия (Франш Конте) и часть Артуа и Фландрии можно было называть ненемецкими, как и населенные валлонами области вдоль среднего течения Мааса. На севере своими природными языковыми рубежами от нас отмежевались скандинавские сводные братья. Поляки и венгры не были нашими подданными. В Богемии² и Моравии в составе Германии проживали несколько миллионов славян. К этому их вынуждало то, что они были окружены со всех сторон немецкими землями и стали чужеродными элементами в результате всеобщего брожения народов в прошлые столетия. Таковые были и в Южной Австрии, Лаузице, Силезии, Дальней Померании, но их было слишком мало, чтобы их можно было сосчитать. Большая, протяжённая прибрежная область вдоль Балтийского моря от Вислы до Невы ещё относилась к Германии, поскольку храбрые немецкие рыцари завоевали её два столетия назад для империи и христианства, населили её немецкими жителями, украсили городами и деревнями и ввели там немецкие законы, распространили немецкие обычаи и язык. Похожая немецкая колония находилась за Тисой и среди Карпат, а именно Семиградье; оно служило Венгрии так же, как Богемия служила Германии, ибо ему как небольшому анклаву приходилось подчиняться более крупному государству. Каковой была тогда Германия, такими же были и почти все прочие страны Европы, их также называли по их языкам, так что, к примеру, Наварра и прочие местности по эту сторону Пиреней тоже именовались Испанией, так как там господствовали испанский и баскский языки. Языки издавна большей частью определяли названия стран. Когда Рим давно уже владел всей Италией вплоть до Альп, область по эту сторону Апеннин по обеим берегам Падуса (По) до самых Альп именовали Галлией, ибо её населяли галлы.

Таким образом, язык образует истинную границу народа. Лишь отдельные части народа, которые, будучи окружёнными другими народами, входят как небольшая часть в более крупное целое, вынуждены, естественно, смириться с тем, что они входят в состав более крупного государства, а не далёкой исконной страны: всё прочее, что существует вместе и говорит на одном языке, по законам Господа и природы образует единое целое, и мудрые вершители человеческих судеб как правило устраивали всё так, чтобы их язык чаще всего не выходил за те пределы, в которых одним народом могло бы заниматься и управлять одно правительство.

Помимо языка, по опыту времён, на который лучше и надёжнее всего опираться при решении нашего вопроса, природными границами являются горы

---

² Здесь и далее географические названия приведены в той форме, в какой они использованы автором.

и моря, но не как таковые, а потому что они суть языковые границы и поэтому обособляют народы в силу различий и неравенства, далее – также в результате протекающих из них неприязни и ненависти. Горы над Фессалией и над Акарнанией и Этолией отделяли греков от варваров. Альпы – языковые рубежи между итальянцами и немцами, а также итальянцами и французами. Арденнский лес, Вогезы и Юрские горы размежевали немецкий и французский языки; но таким образом, что приграничные смешения кое-где также пересекают эти границы. Благодаря морю шведский, датский, норвежский и исландский языки стали намного менее похожи на немецкий, чем это случилось бы, если бы из Мекленбурга и Померании можно было пешком добраться до острова Зеландия и Швеции. Англия, если обозреть обстоятельства и события её истории с одиннадцатого по пятнадцатый века, была бы, вероятно, почти вся франкоязычной, если бы Господь не прорыл узкий канал между Англией и Францией. Однако море является также средством связывания людей и целых народов, а именно наибольшим; но оно не соединяет массы людей, а лишь ускоряет их путешествия друг к другу, обмен товарами и потребностями и знакомство с обычаями, искусством, науками и изобретениями. Но то, что держит народы на расстоянии друг от друга, держит и языки вдали друг от друга, становясь природной границей. Так же, как горы и моря, природными границами становятся огромные пустыни и болота, ибо они осложняют связь одной страны с другой. Но реки никогда не были природными границами и не могут таковыми стать.

Там, где текут реки, уже с тем достоинством, что они могут именоваться реками, там уровень почвы, как правило, снижается и выравнивается, земля становится равниной, чаще всего плодородной равниной, вдоль которой живет большинство населения, там простираются самые урожайные поля и пасутся самые жирные стада; где, таким образом, возникает меньше всего трудностей для общения большой массы людей, способных переезжать на другой берег этой реки. Если море и залив зачастую могут защищать два-три корабля, горы – 5–10 тысяч храбрецов, способных месяцами противостоять 50–100 тысячам, то лишь редко 100 тысяч человек могут помешать другой сотне тысяч пересекать реку. Таким образом, река – это не граница ни в мирное, ни в военное время. В мирное время люди без труда могут общаться по обоим берегам и передавать друг другу язык, обычаи, традиции, они становятся и остаются *одним* народом. Во время войны река не образует такого оборонительного рубежа, как горы, море или пустыня; этот рубеж может быть только искусственным, если укрепить реку крепостями; но такую искусственную границу можно создать и в других местах. У французов и немцев когда-то был подобный искусственный рубеж вдоль всей их границы. История, самый верный учитель и судья в таких делах, не знает рек в качестве природных границ между частями света и странами. Не Волга или Обь образуют на севере границу между Европой и Азией, а Урал; не Нева отделяет шведов от финнов, а Ботнический залив; не Ганг представляет собой границу между Индией и соседними странами, а находящиеся в двадцати или пятидесяти милях западнее пустыня на юге и горы на севере; по обе стороны реки – Индия;

не Дунай - граница между Германией и Италией или между Польшей и Венгрией, а Альпы и Карпаты. Только Евфрат был иногда похож на природную границу; но ею являлась не сама река, а пустыня вдоль её берегов. – Атлас, Таурус, Кавказ, Имаус, Альпы, Пиренеи, а также широкие и протяженные болота и большинство морей, хотя моря – в меньшей степени, чем высокие горы, – это природные границы, единственно верные, а вместе с ними самая важная природная граница – язык.

Теперь, после этих предварительных и не вполне несвоевременных замечаний мне следует пояснить, что означает мой заголовок: *Рейн – река Германии, но не граница Германии*. Под этим заголовком я подразумеваю, что оба берега Рейна и прилегающие к ним территории должны быть немецкими, как это и было в прошлом, а похищенные у Германии местности и люди должны быть вновь отвоёваны для Отечества. Без Рейна Германия не сможет оставаться свободной. Это мнение живёт, прежде всего, в моём сердце и основывается на моей любви к своему Отечеству и своему народу: эта любовь, быть может, воспринимается добропорядочными людьми как нечто достопочтенное, но она не способна излагать доказательства на бумаге. Во-вторых, это мнение обосновано *правом, политикой, честью и верностью имени немецкого народа*. Эти четыре свидетеля могут подтвердить свои показания письмами и печатями, они могут сделать свои свидетельства понятными каждому и имеющими силу. Я выслушаю каждого из них по очереди и предоставлю любому непредвзятому судье вынесение приговора.

Итак, вначале выступит мой первый свидетель, именуемый Правом, и даст себя допросить. Оно прямо говорит: Вся область на юго-западе Германии, в которой говорят по-фламандски (на диалекте великого немецкого языка), издревле была немецкой и должна вновь стать немецкой. Моя немецкая граница проходит прямой линией от Дюнкерка к югу от Монса и Люксембурга до Саарлуи, далее она следует за немецким говором вдоль реки Саар и Вогезов до Мёмпельгарда и дотягивается оттуда до рейнского колена под Базелем. Право основывает свои выкладки на исторических данных, оно должно опираться на владение территориями; оно излагает, таким образом, в кратком виде историю земли, расположенной между Рейном и этой только что мною прочерченной линией.

Цезарь, завоеватель Галлии, дал нам первые сведения об этой области и её жителях, и эти сведения относятся примерно к 50-м гг. до н. э. Его описание однозначно говорит о том, что Галлию населяли три народа, весьма различавшихся по языку, нравам и образу жизни. Юго-запад, по обеим берегам Гаронны, и Севенны вплоть до Пиренейских гор населяли аквитаны, народ, родственник северным испанцам; в центре, между Сеной и Марной и Атлантическим океаном и Альпами, жили кельты, или галлы; а на севере, от Сены до самого Рейна, пасли свои стада бельги, жившие не только на территории, названной в позднейшие века Нидерландами, но и на большей части областей, получивших позднее названия Шампань, Иль-де-Франс, Артуа, Пикардия и Нормандия, то есть много южнее Арденнского леса, Шельды и Вогезов. Эти

бельги были самыми воинственными и отважными из всех жителей Галлии, и их завоевание стоило Цезарю самых ожесточённых и самых кровавых битв. Но мы слушаем лучше всего его самого, что он говорил о них: «На расспросы Цезаря о том, какие именно общины подняли оружие, как они велики и каковы их военные силы, ему отвечали: большая часть бельгов – по происхождению германцы, которые давно перешли через Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей – галлов – выгнали; на памяти отцов наших, во время опустошения всей Галлии, они одни не дали вторгнуться в свою страну тевтонам и кимбрам; вследствие воспоминания об этом событии они присваивают себе большой авторитет в делах войны и очень этим гордятся. Что же касается численности восставших, то ремы утверждали, что она им точно известна, так как их общее происхождение и родственные связи позволили им узнать, какой контингент каждое племя обещало на общем собрании бельгов выставить для войны. Первое место по храбрости, влиянию и численности занимают среди них белловаки; они могут выставить сто тысяч вооружённых; из них они обещали шестьдесят тысяч человек отборного войска и за это требуют себе верховного руководства войной. Соседи самих ремов – суэссионы; у них больше всех земли, и притом самой плодородной [...] Городов у них всего двенадцать, они обещают пятьдесят тысяч вооружённых, столько же и нервии, которые у самих бельгов считаются самыми дикими и живут дальше всех. Пятнадцать тысяч обещают атребаты, десять тысяч – амбианы, двадцать пять – морины, семь тысяч – менапии, десять тысяч – калеты, столько же велиокасы и веромандуи, 18 - адуютки; кондрусы, эбуроны, кересы и пеманы, которые объединяются общим названием германцев, по их мнению, могут дать около сорока тысяч»³.

Мы добавим к этой главе несколько примечаний и укажем местоположение, населённые пункты и особенности этих племён в небольшом обзоре. Мы двинемся с востока на запад через Бельгию и укажем на самое примечательное, следуя при этом описаниям и указаниям Цезаря и жившего полтора столетия позже Тацита.

Если продвигаться с востока на запад, то первыми из бельгов нам встретились бы треверы, проживавшие на берегах Мозеля и Саара вдоль Хундсрюка и Вогезов вплоть до Мааса. У них была сильная пехота, но наиболее известны они были благодаря своей превосходной коннице, демонстрировавшей устрашающую, почти германскую отвагу и упорство. Тацит красноречиво пишет о них, что они и столь же храбрые и свободолюбивые нервии гордились своей претензией на германское происхождение, как будто слава этой крови отличала их от сходства с трусливыми галлами. Они главенствовали над несколькими небольшими племенами, из коих Цезарь, среди прочего, упоминает эбуронов и кондрусов.

По соседству с ними, к западу и северо-западу вверх вдоль реки Рёр и на обоих берегах Мааса находились несколько небольших племён: сегны, кондрусы,

---

³ Перевод цит. по: Гай Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. Перев. акад. М. М. Покровского. Книга вторая, глава IV. М.: Издательство АСТ, 2018.

эбуроны, кересы, пеманы, которых Цезарь прямо именуется германцами. В позднейшие столетия они сформировали один могучий народ, который назывался тонгры или тунгры. В имени города Тонгерн по ту сторону Мааса всё ещё сохраняется звучание их названия.

К западу от них, на равнине, которую пересекает путник по дороге в Лёвен и Брюссель, проживали смелые и воинственные адуатуки. Они были потомками кимбров и тевтонов, стремившихся захватить весь мир. Когда они отправились в свой поход на Южную Галлию и Италию, они оставили значительную часть своей поклажи, которую не могли тащить за собой, на Рейне, и несколько тысяч их воинов остались охранять её. После их гибели оставленные ими воины много лет с переменным успехом воевали с соседними народами, пока, наконец, по общей договорённости не был заключён мир, и они избрали эти края для своего проживания.

К северу и северо-западу от них и эбуронов от Шельды до нижнего течения Мааса, на болотистых и лесистых территориях селились нервии, один из самых многочисленных и непокорных народов, ужасающую воинственность которых пришлось испытать Цезарю в некоторых опасных сражениях. Так же, как треверы, обладавшие самой известной и мощной конницей среди всех бельгов, так и нервии были превосходными пехотинцами, устрашающими и сильными. Когда Цезарь впервые стал собирать информацию о них, к нему обратились побеждённые ими соседние племена, сообщив ему, что нервии запрещали любым торговцам приезжать к ним, а также ввозить вино и всякие предметы роскоши, ибо они полагали, что это способно ослабить умы и мужскую доблесть; они были-де нестигаемыми и весьма храбрыми воинами; они порицали и оскорбляли прочих бельгов, которые подчинились римскому народу, отказавшись от достоинства, переданного им по наследству предками; они уверяли, что ни послов не отправят, ни какие-либо условия мира не примут.

К северо-западу от этого племени, у истоков Мааса и островной области сегодняшней Зеландии, которая в те времена, несомненно, имела иной вид, чем ныне, жили среди болот и трясин менапии, долгое время сопротивлявшиеся, благодаря неприступности этой местности, когда большинство прочих племён бельгов было уже покорено римлянами.

Между ними и нервиями на юго-западе, в далёких пограничных областях за пределами Соммы, проживали белловаки, самое многочисленное племя из всех бельгов. Главная их крепость называлась Братуспантий. Они главенствовали среди множества небольших племён и долгое время держались благодаря непоколебимой любви к свободе.

Это были самые воинственные и значимые племена среди бельгов. Они были побеждены римлянами после мужественной борьбы за свою свободу в силу римского превосходства в мощи и военной дисциплине, а также благодаря таланту Цезаря, потому что они не были объединены крепким согласием и потому что, к сожалению, сами галлы и германцы помогали римлянам покорять собственных земляков и соплеменников. Этому покорению способствовали также римские двуличие и коварство: ни один завоеватель, будь он столь мягок и

любезен, как Юлий Цезарь, не способен подчинить себе народы без зверств. Никогда не должно быть предано забвению в истории то, как великолепно сражались за свою свободу нервии, треверы, белловаки, адуктуки, эбуроны, и то, с каким героизмом противостояли величайшему римлянину своего века тревер Индуциомар и особенно великий эбурон Амбиорикс. О том, как Цезарь велел казнить мужей, сражавшихся за честь и свободу своего Отечества, как преступников, как он подослал наёмных убийц к предводителю бельгов Коммию, как он разгромил прорвавшихся за Рейн узипетов и тенктеров, подстроив им позорнейшую ловушку под видом приглашения на мирные переговоры, поведал сам Цезарь с величайшей непринуждённостью; но эта непринуждённость не делает позор честью. Эти несчастные бельги были покорены Цезарем вначале хитростью и силой; постепенно римские нравы одолели их, привив им привычку подчиняться: большинство из них научились прислуживать, подобно прочим галлам, и терпеливо переносить свой позор; более того, их ленивой мягкотелости, не ведавшей ничего о прошлом, понравилось, в конце концов, то, что презирали предки.

Следует полагать, что эти бельги, коих римские писатели прямо называют германцами, были наиболее чистыми германцами на севере, а на юге в большей степени подвергались влиянию галльских обычаев и языка. Северные бельги выделялись вреди прочих большей воинственностью и более пламенным свободолюбием, ибо благодаря соседству со своими братьями-германцами они беспрестанно упражнялись в военном искусстве и видели живой пример любви к свободе.

Рядом с этими бельгами по берегам Рейна проживали несколько германских племён, границы и особенности коих я кратко охарактеризую.

От тех мест, где Юрские горы нисходят к Вогезам, от Мёмпельгарда и Прункрута до самого Майнца, между Вогезами и Рейном жили трибоки, неметы, вангионы, о которых римляне упоминают одни названия, не сообщая об их военных успехах.

Севернее этих племён, по ту сторону Рейна, жили хатты, самый отважный, свободный и воинственный народ из всех германцев, но также и настолько искусный в военном деле, что у него был уже свой рыцарский орден. Они предки гессенцев, и воспетое достоинство их ещё не выродилось в их потомках.

Далее, область вокруг реки Зиг населяли убии, которых во времена императора Августа расселили вдоль этой реки, дабы они помогали защищать границы. Для них основали город и колонию, которая называлась *Colonia Agrrippina* или *Colonia Ubiorum*, а позднее получила славное имя Кёльн. Убии вскоре стали слишком верными слугами Рима, и они, и их город долго вызывали отвращение у окрестных свободолюбивых племён.

Рядом с ними, далее к западу, проживали узипеты и тенктеры, славившиеся своей замечательной конницей; далее сигамбры, дикие и воинственные, которых благодаря хитрости Тиберия переселили на другой берег Рейна, чтобы они также приучились любить римское господство и защищать его; это произошло через 30 лет после Цезаря, и переселенцев было 40000 человек. Несколько дальше от

Рейна их соседями были бруктеры, хамавры, ангриварии, а далее – фризы на берегах Северного моря.

Наконец, на Рейне селились батавы и маттиаки, которые занимали область между его рукавами до самого моря. Римляне называли их область Рейнским островом или Островом батавов. Батавы были хаттским племенем, отколовшимся от хаттов в результате бунта и переселившимся далее на запад; они были известны своей храбростью, как и хатты. Вскоре они стали своего рода союзниками римлян; ими правили собственные вожди, они не платили налоги, а часто под видом денежной помощи сами получали налоги: это были швейцарцы Рима. Ему посылали они своих воинов и всадников. Из-за их отваги свобода германцев нередко подвергалась опасности, и, прежде всего, благодаря их помощи римлянам, наконец, удалось покорить Британию.

Канинефаты, маленькое племя, были общего с ними происхождения.

На окраинах областей, прилегающих к Маасу и Рейну, рядом с ними проживали маттиаки, похожие на них, за исключением того, что земля и небо сделали их ещё более несговорчивыми.

Все эти народы, жившие на правобережье Рейна, часто пересекали эту реку и, по всей видимости, годами находились в тех регионах, пока римляне не укрепили Рейн замками, крепостями, плацдармами и шанцами, что сделало переправы сложнее и опаснее, но в целом им не препятствовало. Цезарь разбил и покорил бельгов лишь потому, что среди этих племён не было согласия и договорённости, а также потому, что они не приходили вовремя на помощь ни друг другу, ни своим соседям и братьям, германцам. Командовавшие на Рейне преемники Цезаря следовали старой римской политике закабаления племён при помощи натравливания их друг на друга и разобщения, ослабления их воли и подкупа, золота, дотаций, военной службы в римских лагерях, римских титулов и почестей. Жившие на другом берегу Рейна германцы тоже уже начали подчиняться римлянам, а на одеяниях германских вождей красовались римские нагрудные знаки и награды, они принимали римские имена и титулы, как будто подневольная жизнь могла превратиться в достоинство благодаря украшениям и роскоши. И тут восстал Герман, вождь племени херусков, объединив отряды нескольких германских племён, и он настолько заглушил самодовольство римлян, что с тех пор они не смогли вновь вернуть себе прежнюю власть. Герман хотел было распространить эту войну на другую сторону Рейна, на территорию бельгов, и склонить живших там германцев, подчинившихся Риму, и всю Галлию к восстанию и борьбе за свободу; но его германцы не желали ничего иного, кроме защиты и отстаивания собственной свободы, подвергавшейся угрозе, и после отражения этой угрозы каждый вернулся к себе на родину: кроме того, среди них были вожди, подкупленные римлянами предатели Отечества, воспрепятствовавшие всеобщему заговору и совместному восстанию племён против них.

Однако бельги не вполне лишились под римским владычеством своих старинных добродетелей и храбрости. Нередко свободолюбивые и воинственные треверы и нервии безуспешно пытались сбросить тяжкое иноземное иго.

Наконец, с 68 г. после рождения Господа нашего, когда после смерти отвратительного Нерона несколько римских полководцев стали бороться за мировое господство, вспыхнула великая надежда на освобождение. Восстали батавы под предводительством Клавдия Цивилиса, отпрыска королевского рода, призвав соседних германцев и бельгов к борьбе за свободу и мести против римской тирании. Римские крепости были взяты, римские лагеря атакованы, легионы наголову разбиты; союзники Рима отпали от него; пришли в движение многие германцы, жившие ближе всего к рейнским берегам, а также из бельгов – треверы, нервии, тунгры. Но всё это осуществлялось больше с неистовством и дикостью, чем с постоянством и единством. Поскольку не хватало прочного единства, поскольку ими не руководил *один* полководец, их отвага не имела успеха. Когда Веспасиан обеспечил себе власть в Риме, со всех сторон к Рейну подтянулись римские легионы; германцы вернулись к миру, ибо их пророчицу Велледу подкупили римским золотом; бельги, не совершавшие ничего по единому плану, разобщились и были по одиночке разбиты; наконец, и Клавдий Цивилис заключил мир с римским полководцем Цериалом, и всё вернулось на круги своя.

Со времён великих и мощных войн, которые вели против германцев Друз, Тиберий и Германик, римляне оставили всякую надежду и все попытки поработить германцев. Они укрепили свою границу на Рейне сетью крепостей и замков; соседние германские племена лишь иногда провоцировали их небольшими стычками, которые редко выливались в войны: ведь римляне, вероятно, боялись подтолкнуть германцев к объединению в своих границах, организуя крупные военные походы против них. Часто отношения были настолько дружелюбны, что многие тысячи германских юношей за золото служили в союзных Риму войсках, укрепляя римские легионы, и доходили до восточных стран и самых дальних берегов Каледонии. Но к концу второго века от Рождества Христова ситуация изменилась. Тогда на Рейне восстали два могучих германских племенных объединения – *алеманны* на Верхнем Рейне и *франки* на Нижнем Рейне, проживавшие между колонией убиев и батавами. Несколько немецких племён объединились, и возникли новые названия, значение и истоки которых невозможно определить с точностью. Весьма вероятно, что сигамбры, узипеты, тенктеры, бруктеры, марсы, жившие ближе к Рейну, стали основной частью франков; об алеманнах нам рассказывают, что среди них было множество представителей галльских племён. Против этих двух народов более двух веков велись самые тяжёлые и кровопролитные войны; в Италии римляне часто видели алеманнов по ту сторону Альп, а несколько раз – и по ту сторону Падуса, а франки несколько раз проникали в Галлию, причиняя ужасающие опустошения, а в середине третьего века они даже перешли Пиренеи и разграбили Испанию до самого Эбро. Наконец, когда в начале пятого века неизбежный рок стал наступать Рим и римские легионы были отведены от Рейна в связи с бедственным положением Италии и Галлии, германский дух беспрепятственно излился на те территории, которые с древнейших времён были германскими. На Верхнем Рейне утвердились бургунды, на Среднем вплоть до

Вогезов и Мозеля – алеманны, а на Нижнем Рейне расселились франки, занимая всё больше плодородных областей западной Бельгии, где жили воинственные тунгры, нервии, менапии и самые северные племена белловаков: они распространились на территории вдоль Рёра, Мааса и по обеим берегам Шельды до самого моря. Всё, что оставалось от римского населения и их союзников, бежало от меча варваров вглубь галльской территории, на которой в те времена, когда всё вокруг было захвачено и поработано германцами, полвека ещё продержались области вокруг крепостей Сигдунум и Паризий, слабая тень римского владычества. Таким образом германцы вымели прочь всё чужеродное из Рейнской области, средней и северной Бельгии. Затем, около 450 г., явился могучий король гуннов Атила с его опустошительными походами, он разгромил на Рейне и в других местах множество римских городов и крепостей и уничтожил вместе с ними римскую просвещённость и римские пороки. Господь установил всё так, что эта исконно германская территория должна была стать истинно германской, а в будущем – немецкой и называться так.

Наконец, на исходе пятого столетия, когда столь многие немецкие племена уже основали государства на пепелище Римской империи, очередь дошла до франков, которым было суждено создать самое могущественное из всех германских государств. Хлодвиг, или Людвиг, один из их королей, объединил различные племена франков под *единым* управлением и в течение тридцати лет захватил почти всю Галлию вплоть до Роны и Севенн, принудив алеманнов по ту и эту стороны Рейна платить ему дань. Его наследники продолжали его дело в течение двухсот лет и обложили данью области бургундов вдоль Соны и между Альпами и Роной, а по ту сторону Юрских гор – Гельвецию, большая часть которой тогда уже была бургундской, а в бывшей римской провинции Германия – баюваров и эрмундуров (или тюрингов) во Франконии и Тюрингии, а также хаттов. На северо-востоке бывшей римской Германии им иногда платили дань также некоторые славянские племена. Только саксы, ангриварии и фризы жили всё ещё в непокорённом язычестве и в несломленной свободе у Северного моря и на священных полях свободы вокруг Везера, Липпе и Эмса, а также вокруг Гарца вплоть до Эльбы.

Род Людвиг Франкского, завоевателя, ослаб и истощился от пороков и преступлений. В восьмом веке он был свергнут с трона германским родом Пипина Короткого. Четвёртый и самый могучий представитель этой династии был Карл, который в истории именуется Карлом Великим. Это был великий и воинственный король, который основал невиданную со времён Рима в Европе державу, простиравшуюся от Пиреней до Эльбы и от Лейты до Эмса. Он также принял в 800 г. из рук папы корону, ощущая свои власть и величие, а с ней и титул Римского императора. Карл Великий соединил силой оружия Францию, Италию и большую часть страны, которую с тех пор называют Германией, он оставил в наследство после своей кончины в 814 г. эту огромную империю своему сыну Людвигу, которого в истории назовут Людвигом Благочестивым и который не правил народами с авторитетом своего отца. Людвиг разделил империю между тремя своими сыновьями, и вскоре то, что лишь силой было сочленено

неестественным образом, вновь распалось; ведь в перспективе лишь единообразное сохраняется в целости. Старший сын Людвига Лотарь получил имя и титул Римского императора и земли Италии, большую часть бывшего Бургундского королевства и всё, что примыкает к Рейну, Арденнам, Сомме и морю; Людвиг, второй его сын, коего обычно именуют Людвигом Немецким, получил все области по ту сторону Рейна; Карл, его младший сын, получил юго-западную часть Франции, которую тогда имели обыкновение называть Нейстрией. Однако к концу девятого века, когда основанная Лотарем династия пресеклась, все территории, на которых между Рейном и морем преобладали немецкий язык и немецкие обычаи, отошли к северо-восточной Франкской империи, ставшей независимой и получившей название Германской империи. Эта огромная и прекрасная область была долгое время Лотарингией, также называемой, по всей вероятности, герцогством Францией; то, что потом называлось Лотарингией, было лишь частицей этой страны. Князья и владельцы, которые почти независимо правили здесь на крайнем юго-западе Германии со времён угасания великой салической династии и династии Гогенштауфенов, всё ещё считали себя частью Германской империи, их уважали как имперских князей, в то время как многие из бывших бургундских территорий, которые были присоединены к Германской империи, начиная с XI в., всё более отдалялись от Германской империи в силу отличий в языке и обычаях, кои были романскими и французскими, и, наконец, они почти отделились от неё.

В XIV в. король Иоанн, второй представитель династии Валуа, отдал французское герцогство Бургундию одному из своих сыновей. Этот сын и его потомки приобрели благодаря удаче, добродетелям справедливости и отваги, путём женитьбы и заключения договоров на юго-западе своей территории столь обширные и богатые области, что их можно было сравнить с самыми влиятельными государями. Филипп Добрый, герцог бургундский, был в середине XV столетия не только повелителем герцогства Бургундия и графства Малая Бургундия, но и называл своими владениями все области, простиравшиеся от Соммы и Арденн, Шельды и Мааса до Зейдерзе. Между Францией и Германией сформировалось могучее центральное государство, новое королевство Бургундия, более могучее, чем прежние бургундские государства. Но вскоре после его смерти это государство распалось. Бесчестные, подспудные уловки французского короля Людовика XI позволили опутать сына и наследника Филиппа, Карла Смелого, столь искусными и плотными сетями, что он не смог избежать своей печальной участи. Когда Карл пал в 1477 г. в битве при Нанси, Людовик, готовый ко всему, объявил герцогство Бургундия и некоторые франкоязычные города и области бургундского государства вновь принадлежащими Франции. Остальная, северная часть государства, включавшая большей частью немецкоязычные территории, и графство Малая Бургундия сохранили для дочери Карла, Марии Бургундской, которая обручилась с австрийским эрцгерцогом Максимилианом. Таким образом эта часть Бургундии стала владением Габсбургов, а спустя 40 лет – испанским владением, так как внук Максимилиана Карл, эрцгерцог австрийский и герцог бургундский, в начале XVI

века стал королём Испании. Этот Карл, именуемый германским королем Карлом V, к концу своей жизни вновь теснейшим образом связал своё бургундское наследие с Германией, в которую он включил его под названием Бургундского округа, отчасти – как полагают некоторые – ради того, чтобы обеспечить своему сыну Филиппу влияние на ситуацию в Германии, а, быть может, и честь носить германскую корону, отчасти же – чтобы эти территории могли получить мощную поддержку и защиту в рамках германского имперского образования против влияния и господства Франции. При этом Филиппе II, желавшем тиранически править свободными людьми и называвшем собственную волю законом, северная часть Бургундского округа вырвалась с 1570-х гг. из-под испанского господства и учредила после длительной борьбы собственную республику, называвшуюся *Республикой семи объединённых провинций*, или *Соединёнными Нидерландами*: страну, которую когда-то населяли фризы, батавы, матиаки, канинефаты, менапии, северные нервии, эбуроны и сигамбры, древнейшее обиталище свободы; остальное сохранили за собой Испания и Германия.

Наконец, в результате печальной Тридцатилетней войны французам удалось то, чего они так долго жаждали; часть их границ дошла до Верхнего Рейна. Им уступили Эльзас, и несколько немецких крепостей на том берегу реки остались во французской оккупации, чтобы Германия всегда простиралась перед ними обезоруженной. То, что здесь началось, 40 лет спустя попытался продолжить силой оружия Людовик XIV, но это ему не удалось. Он отнял лишь одну часть испанско-бургундской территории, в основном франкоязычные города и местности; остальные фламандско- и немецкоязычные области между Рейном и океаном сохранила Германия. В 1730-х гг. герцогство Лотарингия, практически окружённое французскими владениями и Эльзасом, было присоединено к Франции. И только французские революционные войны привели к тому, что от немецкой свободы и от отеческого древа отсекли прекрасные земли вдоль Рейна, Мозеля, Мааса и Шельды, исконные и древнейшие немецкоязычные области. Мы их слишком легко потеряли и слишком легкомысленно от них отказались, ибо мы не ведали их ценности и значения, как и важности владения ими.

Мне могут возразить: эти территории суть, собственно, франкские территории, кроме той части, которая расположена между Рейном, Вогезами и Мозелем, где до владычества великой франкской монархии господствовали алеманны. Когда в начале V в. римляне ушли с Рейна, франки завладели всем, что было между Арденнами, Рейном, Мозелем и морем. Отсюда они отправились далее на юг, вторглись в Галлию и захватили её. Тем самым они не иначе, как вернули себе свою территорию и присоединили к себе своих соплеменников; ведь в Брабанте и вокруг Люттиха, Маастрихта и Юлиха, несомненно, ещё живёт множество потомков древних франков.

Это кажется логичным. Я же отвечу на это так:

Тех франков, о которых тут речь, больше нет в мировой истории. Часть из них смешалась с галлами и римлянами и превратилась в новый народ помесей,

называемый французами и так мало похожий на франков, как нынешний ломбардец из Тичино на жителя Бранденбургской марки, обитающего на реке Хафель, где 2000 лет назад, быть может, жили ломбарды. Те, кто и далее жил в исконных областях, остались настоящими германцами и немцами до сих пор, за исключением некоторого французского налёта, и у них мало общего в обычаях и образе мыслей с народом, сложившимся из галлов, римлян и франков. Поэтому они сами за те столетия, когда Германская империя не обладала принуждающей и связующей мощью, с XII по XV вв., сложились непроизвольно благодаря склонностям и образу жизни народа, всегда держались Германской империи и причисляли себя к ней, а не к французской, и оставались частями Германии вплоть до последних пятнадцати лет, которые обратили вспять и уничтожили столь много древнего и чтимого. С тем же правом, на которое претендуют французы, желая владеть этими землями, могли бы кастильцы и англичане, более не являющиеся немцами, претендовать на области вокруг Херсона и Киева или вокруг Мюнстера и Гамбурга, заявляя: здесь земля древних визиготов, здесь жила когда-то англосаксонская земля наших предков; а жители Руана и Салерно могли бы вторгнуться в порты Кристиании и Дронтхайма и воскликнуть: Се норманны и Норманнская держава! Мы забираем своё вновь. Потомки древних франков живут на Рейне, Рёре, Маасе, в Брабанте и во Фландрии, и некоторые французы тоже являются потомками франков; но Франкония – это не Франция. Поскольку она осталась немецкой и не стала романской, она всегда по праву утверждала, что желает принадлежать к Германии. Поэтому немцы должны не отказываться столь легкомысленно от тех братьев, которые столь охотно присоединяются к ним, а бороться за их освобождение не на жизнь, а на смерть, но при этом охотно дать французам сохранить то, что есть французского.

Право молвило и произнесло свои показания в пользу того, что владение, происхождение, язык, обычаи и склонности этих областей и их населения связаны с Германской империей. Теперь слово *Политике*, которая докажет, что самостоятельность Германии и безопасность Европы не смогут сохраниться, если французы оставят себе Рейн и немецкие территории по ту сторону Рейна. Всеобщее преимущество правителей и народов согласно с Правом в том, что Франция должна вернуть не только похищенное за последние годы, но и Эльзас и должна быть возвращена к своим старым рубежам, которые одновременно являются её языковыми границами.

Так молвит Политика, коротко и ясно, ибо истина не нуждается в разглагольствованиях и прениях.

Веками французы вопили: Рейн является естественным владением Франции, и без Рейна Франция лишена целостности и опоры власти, а по Рейну её границы определены и закреплены навечно, и к большему она стремиться не намерена. Эта болтовня даже смогла многих одурачить, и многие благоговейно повторяли за французами, что их требование не так уж и лишено основания. Однако они не заметили и были слишком глупы, чтобы заметить, что французы подсовывали им Рейн и природную границу на Рейне лишь как повод, хотя они

прекрасно знали, что Рейн обеспечивал им господство над Германией; ведь этого господства они, собственно, и желали, не говоря об этом вслух. Не успели они укрепиться на Рейне, не успели они заполнить Ландау, Брайзах, Филипсбург и другие крепости на этой реке, как на Германию начало распространяться их разрушительное влияние, и уже никогда не прекращались происки, ослаблявшие последние узы немецкого согласия, и на помощь им уже пришли германские князья, выступившие против собственного Отечества и его свободы. Напомню лишь о войне, начавшейся благодаря капризу Людовика XIV в 1672 г. против Соединённых Нидерландов, и о Войне за испанское наследство. Последние годы с их тягостными воспоминаниями столь свежи в нашей памяти, что мне достаточно лишь указать на них.

Я утверждаю: *если Франция оставит себе Рейн и его территории, то она сохранит своё уничтожающее всякое равновесие господство не только над Германией, но и над всей Европой.* И я докажу своё утверждение.

Рейн от Базеля до Роттердама в своём северо-западном течении извивается как колено. Если бы ему было угодно сохранить своё направление от Констанца до Базеля, то он впадал бы в море примерно под Булонью или Кале, и тогда он смог бы стать в любом случае французской пограничной рекой. Но ныне, когда он бушует со своими различными изгибами в сотне немецких миль к северо-западу, он проходит по краю всей южной и северо-западной Германии, а под чужим владычеством он омывает немецкие территории по ту сторону шириной 40–50 миль. Это вытянутое колено, которое Франция, если ей это будет угодно, приставит к шее Германии и которым она может её придушить. Мы, пожалуй, уже ощутили ужасающее давление этого колена и не можем до сих пор отдышаться. Если Франция оставит себе Рейн, то перед ней окажется совершенно открытым пространство вплоть до Эльбы, и она сможет безнаказанно отправлять свои войска на восток, до Леха и истоков Майна и Заале; то есть добрая половина Германии простирается перед ней совершенно зависимой, а вторая половина вскоре неминуемо последует за услужливой и трясущейся первой. Ведь таковы географическое положение и сила Франции с её прочими границами, что вместе с обладанием Рейном она поставит в зависимое положение всю Швейцарию и северную Италию, что она таким образом – без учёта притока вспомогательных средств и населения – обретёт гегемонию, которую она по своему желанию (а желать этого она будет всегда) обратит в погибель для своих соседей.

С тем, чтобы сказанное здесь было всем ясно, как солнечный день, я противопоставлю друг другу две крайности.

Предположим, что Германия вернула себе свои старые границы. Они отделяют её на юге Альпами от Италии, Арденнами от Франции; на востоке они проходят мимо далматов, хорватов, венгров и поляков; на севере Балтийское море и Айдер отделяют немцев от их скандинавских братьев; на западе их прикрывает Северное море. Я также рассмотрю Францию в её старых границах между Арденнским лесом, Юрскими горами, Альпами, Средиземным морем, Пиренеями и Атлантическим океаном. Я предположу, что Германия со всеми

своими областями является единой монархией под властью *одного* правителя, как Франция, и стану утверждать, что при этой предпосылке оба государства будут равно могучими.

Германия в тех границах под властью одного повелителя будет, видимо, насчитывать около 30 миллионов жителей, Франция, возможно, – на 5–6 миллионов меньше; у Германии был бы по этой причине количественный перевес на пятую или шестую часть населения.

Зато у Франции двойной, даже тройной перевес в том, что касается её расположения, так что этот наш небольшой перевес в числе жителей будет им сполна уравновешен. Франция от природы получила защиту, которой нет у Германии. Её окружают Атлантический океан, Пиренеи, Средиземное море и Альпы, отгораживающие её подобно мощным укреплениям от нападений извне. Лишь часть её северной границы с Германией, примерно восьмая часть её территории, более легкодоступна и нуждается в большей степени в искусственных защитных укреплениях. А вот вся восточная граница Германии с Венгрией и Польшей, часть её северной границы с Данией и большая часть её юго-западной границы с Францией не имеют естественных преград, их необходимо защищать искусственным путём: то есть половина границ Германии легкодоступна.

Насколько велик этот недостаток Германии, по сравнению с Францией, который с лихвой восполняет незначительный перевес в народной массе! Всякому, знающему историю, известен также ещё один недостаток: то, что Европе всегда грозит с востока опасность, которая не может настичь нас на западе. На востоке простирается огромный континент со странами, в которых проживают миллионы, с теми нынешними и будущими опасностями, которые непременно обрушатся на Германию и раздробят её, прежде чем их испытают на себе Италия и Франция. С запада опасность может грозить только с моря; но на судах никогда ещё не вторгались сотни тысяч, не говоря уже о миллионах врагов. Поэтому...

Однако, может возразить кое-кто, ты только что живописал угрозы, которые исходят от Франции в случае, если она сохранит за собой Рейн, и то господство над Швейцарией и Италией, которое непременно будет завоёвано благодаря возможности пересечь эту реку: скажи же мне, станет ли Рейн чем-то иным, станет ли влияние, связанное с ним, другим, если он будет во власти немцев, а не французов? – Конечно же, совершенно иным, совсем другим.

Если Рейн будет принадлежать немцам, то влияние на вышеупомянутые страны окажется в равновесии между Францией и Германией; если же французы будут обладать Рейном, то и влиять будут только они одни.

Это легко доказать. Для того, кто разбирается в истории и географии, достаточно одного лишь намёка, чтобы понять эту простую истину.

Франция в её прежних границах, кои мы можем назвать природными, уже оказывает на Швейцарию и Италию мощное влияние благодаря горной цепи, проходящей от Юрских гор мимо Женевского озера до реки Вар под Ниццей и Средиземного моря. Будучи великой и могучей монархией, она давит на обе эти

более слабые страны. Если она добавит ещё и Рейн к этим границам, то они будут ей служить. Но если Германия получит Рейн обратно, то и она сможет оказывать давление, которое ни в коем случае не снимет давление Франции, но будет его тормозить и будет, с другой стороны, тормозиться французским.

Таковы важнейшие причины того, что Рейн с его областями должен вновь стать немецким. Весьма важная причина заключена также в политических воззрениях и характере обоих народов, о которых здесь идёт речь. Политические воззрения немецкого народа – конфедеративные и союзные; они и далее будут оставаться в большей или меньшей степени федеративными или республиканскими; поэтому никакая дичайшая в своём самодурстве власть никогда не сможет использовать этот народ в своих целях и помыкать им, во всяком случае это долго не продлится, даже если какому-либо необычайному и чудовищному человеку это некоторое время удавалось бы делать или если некие чудовищные и сотрясающие самые основы обстоятельства вырвали бы народ из его привычной колеи. Характер немецкого народа тихий, умеренный, справедливый, скорее слишком спокойный, нежели слишком необузданный. Его история доказывает, что он всегда стремился скорее сохранить своё, чем захватить чужое. Эту похвалу высказал ему ещё 1700 лет назад Тацит, когда римские войска понесли тяжелые потери на Рейне в схватках с германцами. Немцы никогда не были народом-завоевателем, кроме как в те дикие, всё обращающие вспять времена, в пятом и шестом столетиях, когда мир должен был обновиться и измениться и принять совершенно новый облик, когда все части света и народы обрушились друг на друга и изничтожали друг друга более ста лет в безумных революциях и кровавых войнах, пока Рим не обратился в развалины, и не были заложены основы нового бытия. Политическое устройство французов - монархическое, было таковым издавна и будет при деловитых и агрессивных правителях всегда деспотическим, так что французами к их собственной гибели и в ущерб иным народам смогут не раз полвека помыкать самым произвольным и жестоким образом. Французский характер легкомыслен, непостоянен, неспокоен, несправедлив, постоянно мечется между слишком многим и слишком малым, то есть неспособен к непрерывной свободной жизни: поскольку они не могут обуздать себя своей собственной волей, им приходится слепо повиноваться чужой. У них есть склонность быть народом-завоевателем, но мало склонности к тому, чтобы разумно распорядиться завоёванным. Никогда их соседи не будут знать из-за них покоя. Мы, немцы, можем поведать массу историй об их беспокойстве, вероломстве и несправедливости; да и итальянцы и испанцы могут сделать то же. Французы таковы не только ныне, они не стали такими только из-за революции, они вышли за все разумные рамки не только по вине Наполеона; они были такими с самого начала своей истории и будут такими до самого её конца. Излишняя власть опасна в руках любого народа, а в их руках она опаснее всего.

Можно было бы привести и выделить ещё множество менее весомых политических оснований того, почему Рейн должен быть немецким и не может оставаться французским. Можно было бы осветить с разных сторон и те весомые

основания, о которых говорилось выше, и изложить их так, чтобы из каждого вывести три-четыре новых: стиль и искусство изложения своих идей, в которых французы – мастера и которыми они одурманивают иных глупцов, пока те в конце концов не уверуют в их слова почти как в истину. Мы же отвергаем эти негерманские фокусы, в которых совершенно не нуждаются справедливость и истинность нашего дела; нас вообще поймут, и поймут до конца, лишь те, кто привык осмысливать причины, а не перечислять их.

После изложения этих основных причин становится ясно, как солнечный день, что великая и священная борьба, которую мы ведём с французами, не может иметь иной основной и конечной цели, кроме возвращения отнятой у нас земли и освобождения носителей нашего языка и нашего образа мысли, которых насилием принуждают стать французами. Господь, столь много сделавший для нас, поможет нам в этом и вселит необходимость достижения этой цели в сердца правителей и народов, вершащих ныне судьбами мира, так что они не успокоятся, пока её не добьются. Как много Господней благодати было бы напрасной тратой, как много благородных и смелых немцев с самым верным и отважным духом отдали бы свою жизнь зря, если бы мы остановились на полпути до этой цели! Не те французы, что ныне здравствуют, внушают страх сами по себе; их и тех, кто с ними вместе принёс миру столько несчастья из самых недобрых побуждений, непременно накажет Господь. Но если французы сохраняют Рейн с прекрасными областями на том берегу, то будущие властители поднимутся против нас, как Наполеон, будущие французы станут грабить нас, захватывать и мучить так же, как нынешние. Я говорю это прямо: более умеренный, мягкий и умелый правитель во главе Франции, который располагал бы теми же средствами и войсками, что и Наполеон, был бы для нас в тысячу раз опаснее его, и таковой стал бы и в будущем главной угрозой для свободы Германии, а вместе с ней – и для свободы Европы; ведь перед тем, кто обладает мощью Франции, Италии и Германии и не рискует слишком необдуманно играть в кости с удачей, вынуждены будут в итоге склониться все прочие державы европейского континента. Можно записать в будущий мирный договор сколько-угодно обязательных условий, торжественных обещаний и клятв – бумажная сила перьев всегда слабее металлической мощи мечей; князья и страны, отстоящие к востоку, да и к северу от Рейна на протяжении тридцати, даже пятидесяти миль, непременно ощутят на себе давление французов и их политическое влияние, они будут вынуждены, подобно планетам, танцевать вокруг Солнца, не посылающего им никакого тепла, лишь пожары: им придётся дрожать и прислуживать; Швейцария и Италия станут подобием французских провинций и будут принуждены получать приказы из Парижа; и даже – что следует осмыслить прежде прочего – поскольку ныне свершается несправедливость, то и в будущем вряд ли сможет свершиться нечто справедливое; ведь в конечном итоге возобладает привычка, а чужой язык, чужие обычаи и законы всё настойчивее прокрадутся или будут навязаны, и души утратят свою опору, сердца – свои воспоминания, и то, что для наших отцов поначалу было отвратительным и ужасающим, станет потомкам в силу привычки менее ужасным, затем –

безразличным, и, наконец, даже приятным – коллективное терпение в конце концов станет приветствовать тиранию там, где разгневанная гордость в иные времена стала бы вынашивать месть.

Таким образом, если властители желают быть уверены в своём господстве, а народы – в своей свободе, если Германия должна вновь расцвести в почёте и независимости, а Европа – обрести мощь и равновесие, то следует эту задачу разрешить силой меча, восстановить Германию в её старых границах с Францией, а французов удалить с Рейна, даже из тех мест, которые они присваивали со времён Ришелье и Людовика XIV более обманом и коварством, нежели по праву и благодаря своей доблести.

Слово моему третьему свидетелю – Чести, которая обращается с таким предостережением:

Если я, будучи названной Честью, всё ещё являюсь таковой, если вы, немцы, желаете смотреть мне в лицо свободным, открытым взглядом, то вы не должны вкладывать мечи в ножны, пока не вернёте себе ваши прежние границы и отнятых у вас братьев. Ныне, когда вы признаёте, да и чувствуете, что вы ведёте самую справедливую из тех войн, что вы вели ранее, восстав против жесточайшего вероломства и порабощения, ныне, когда вы преисполнены высочайшей гордости и не желаете выбирать между победой и восстановлением страны, с одной стороны, и поражением и гибелью, с другой, ныне, когда вы призвали Господа в свидетели и союзники, ныне вы желаете остановиться в сомнениях на полпути? Ныне желаете вы вопрошать себя и других, стоит ли продолжать труды ради того, чтобы Рейн стал нашей границей, и не хватит ли проливать кровь? Нет, ни в коем случае! Вы должны собрать всю свою гордость, вы должны проявить всю свою гордость, чтобы вновь обрести своё без каких-либо условий. Смелому и верному народу пристало проявлять и великую справедливость, чтобы он, если военное счастье приведёт его на берега Луары и Роны, не пожелал себе взять у французов ни единой деревни там, где звучит только французская речь, если только эти деревни и территории не окружены вашими границами, но и, взяв их себе, вы дадите им те же права, что и немцам. Как же? Если вы ныне не проявите гордость и смелость и не пожелаете довести дело до конца, то когда же вы, по вашему мнению, сможете сделать это в будущем? Когда, вы думаете, должно наступить то время, когда у всех немцев появится ещё более высокая общая цель? *Сейчас или никогда*, так всегда должна молвить Честь; её час, даже её минута уже пробили; она не может ничего откладывать на потом, она не может связывать свои надежды с возможным или случайным, её законом всегда было и есть то, что выражено коротко и ясно: *Делай то, что должен, победи или погибни и доверься Господней воле*.

Поэтому обращаюсь я к вам, немецкие братья и соотечественники, не без умысла, но и не без намёка. Когда-то ваши предки, могучие и милосердные мужи, знали меня, только меня и мою сестру, Справедливость, и жили согласно нашим наставлениям и законам; они хорошо разбирались в делах чести и верности, так хорошо, что гневались, когда им напоминали о чести и верности, ибо напоминание это казалось им почти оскорблением. Вы же, да и мы все в целом,

вполне заслужили это напоминание; честь и верность, любовь всех ко всем, немецкое сообщество и братство сердец почти вымерли; каждый желал постоять только за себя, каждый желал властвовать только во имя себя, и вот случилось с нами то, что один древний римлянин говорил о греческих племенах: *Поскольку все стремились к господству над Грецией, все утратили господство над своей родиной.* Ныне же Господь – да не даст Он нашему имени исчезнуть – чудесным образом пробудил нас ужасными и радостными событиями; ныне мы можем оживить себя почти было угасшим чувством общей мести чужакам за их невыносимое высокомерие и неопишуемые жестокости; ныне мы можем объединиться узами силы, справедливости и согласия, все мы, кто говорит по-немецки, кого галльское лицемерие напрасно попытается разобщить. О немцы, примите тот великий римский принцип, что вам никогда не должно жаждать нерадостного и порицаемого мира, что вам никогда не должно желать, чтобы ваша земля и ваши люди были отданы врагам, что вы после каждой войны должны становиться всё более великими и устрашающими. Но не будьте похожи на римлян в том, чтобы усматривать в этом величии лишь внешнее величие: те никогда не желали заключать мир без захвата земель. Вы же, вы претворите ваше величие в справедливость и умеренность. Ведь и Рим, хоть он и был великим, погиб и в конце концов стал предметом насмешек всего мира, ибо он не хотел чтить этот мир. Повторяйте этот принцип и обучайте ваших детей и внуков этому самому священному завету вашего величия и безопасности: *не пожелайте никогда захватывать чужие народы, но и никогда не терпите того, чтобы из ваших пределов похитили даже одну-единственную деревню.* Тот, кто жаждет слишком много чужого, погибнет от высокомерия; тот, кто позволяет безнаказанно похищать своё, погибнет от лишений. Обе погибели настанут непременно и будут болезненны, но первая из них лишь кажется более почётной.

Я говорила намёками. Немецкий народ, самый многочисленный и воинственный и, если ты пожелаешь жить в согласии, самый могучий и мощный народ в Западной Европе, отринь те роли, что ты играл за последние три века, вопрошай о развитии событий, вопрошай о ходе великих революций, исследуй историю войн и заключения мира – и красней, и гневайся, если можешь, на то, что за столь длительное время не был заключён ни один мир, из-за которого ты не потерял бы своей чести и великолепия. Тот, кто вечно смиряется и покоряется, кто всегда уступает и отдаёт, того в конце концов поработят и презрят, и по праву; сильному, как бы силен он ни был, уподобится в конце концов в самоуважении слабейший и станет насмехаться над ним, и он имеет на это право. Вот до чего – о несчастье наше! – до чего должно было прийти, чтобы немцы, этот великий и воинственный народ, были почти отторгнуты от мира, чтобы им воспрещали всякое ближайшее и простейшее единение с народами. Не терпели ли мы два столетия того, что голландцы, в прошлом – наша область, которые должны были бы стремиться к сохранению вечного союза с Германией, облагали сборами суда на нашем Рейне и притесняли их, как им заблагорассудится? А датчане, маленький, слабый народ, который был бы почти что крошечным без тех областей, кои они получили от нашей империи в ленное владение, те датчане,

которых мы спасли от гибели в 1658 и 1660 годах, - не осмеливались ли они неоднократно покушаться на нашу Эльбу, захватывать по своему усмотрению наши имперские города и грабить их? Вот до чего мы дожили из-за нашего равнодушия к общей Отчизне, из-за нашего долготерпения, кое всегда выражается в возмущённых криках, но никогда – в действиях и наказании виновных. До того дошло, что нам не принадлежит ни одно из наших побережий, что наши суда не имеют права ходить по нашим рекам до моря, пока мы не купим на это право у чужаков. А у каких чужаков? У тех, что прежде были нашими подданными и вассалами и вновь должны ими стать, если они не желают быть хотя бы справедливыми по отношению к более сильным. Этого мы заслужили, так как мы это всё терпели; этого мы заслуживаем, потому что терпим это. Кто превращает себя в колоду, на того обрушится всякий топор; кто же становится наковальней, от того боятся получить зазубрины. Нами долго повелевали другие народы, с нами обращались как с несмышлёнышами, и так оно и есть до сих пор; так что до нынешнего дня было трудно сказать, что больше – наша глупость или наше невежество: ведь мы деградировали до того, что позабыли те немногие простые вещи, на которых зиждется господство тех стран и народов, что мы позабыли их пользу для нашего Отечества. Поэтому мы легко отказались от большого и стали спорить из-за малого, как будто оно и есть большое; пока великий судья и арбитр всех споров не выступил и не разрешил всё своей шпагой. Если он не сделал нас мудрее, если мы не желаем ставить Отечество и нашу честь и величие превыше прочего, то победы станут мимолётными, а прежнее несчастье вскоре вновь постучится в нашу дверь.

Я умолкаю. Кто ощущает честь и гордость, не нуждается в дальнейших речах; глупцы не станут от речей умнее, а слабые души не окрепнут благодаря вразумлениям. Но вы, разумные и brave, боритесь, трудитесь и размышляйте, чтобы зло и вред, столь долго причиняемые Отечеству, когда-нибудь были исправлены.

Немецкая Верность вступает в разговор, держа за руку свою сестру, Любовь. Она почернела от скорби и онемела от молчания; ведь она многие годы прожила в одинокой печали, так как народ отверг её и обращался с ней не иначе, как с бездомной бродяжкой, если она желала показаться на его собраниях. Её глаза потемнели от слёз, она измождена, её поступь слаба и неустойчива; она не прежняя, радостная и гордая воительница, которая трубила и восклицала: *Да здравствует Германия! И победа!* Она уже не та статная и смелая подруга, что водила хороводы на мирных праздниках и хвалилась тем, что солнце не видело ещё более счастливого, свободного и добропорядочного народа, чем её немцы. Ей живётся, как грифу, пережившему цель обычной человеческой жизни; она стала как та самка грифа, молодое поколение которой вымерло, а теперешнее её уже не узнаёт. Она была одинокой, и дни её на этом свете были сочтены. В залах правителей и богачей находила она чужестранные мишуру и роскошь, слышала, какие глупости и фривольности, издавна казавшиеся ей отвратительными, повторяют там спьяну и в каком тоне; она стала там столь чужой, что её никто не узнавал и выталкивал вниз по лестнице как неуклюжую и бесстыдную

попрошайку. Её изгоняли из школ и университетов болтовня, бессмыслица, надутость и глупость, и она, поспешно убегая, кричала: *О мои германцы, не умеющие читать никакие письма, кроме звёзд на небе и того, что Господь начертал пылающими буквами в сердцах, не знавшие никаких клятв, кроме рукопожатий, посмотрите на этих людей!* В судебных палатах витают абсурд и псевдоучённость, право стало непрозрачным, ибо его окружили слишком многими светильниками. Повсеместно, на ярмарках и в домах наравне с Верностью, да и выше неё, стали ставить ложь и обман, сладострастие и скупость, лень и мягкотелость, её исконных врагов. Поэтому ей пришлось вновь бежать от этих людей со своими страданиями в своё уединение, и она давно бы умерла от скорби и вернулась бы на свои небеса, если бы иногда в тихом лесу ей не встречалась весёлая невинность и не возвращала бы её к жизни своей улыбкой, если бы к ней из хижин бедняков в утренних и вечерних сумерках не доносилась благочестивая песнь, прерываемая криком домашнего петуха, отмеряющего время. Она ещё живёт среди невинных и бедных, и поэтому она не смогла покинуть землю. Но от долгой скорби и глубоких сердечных страданий она онемела: она лишь посылает знаки, а я толкую знаки её.

Она стала бы молвить и жаловаться, она бранила бы в слезах и гнев: Как же так, немецкие князья и народы? На это вы способны? Этого вы желаете? Ваших братьев вы хотите легкомысленно и бессердечно бросить в беде, коих похищает чужой народ, коим навязывают чужой язык, обычаи и законы, которые вам всегда были ненавистны? Вы желаете, чтобы эти сильные, отважные, свободолюбивые мужи стали французами? Их дети и внуки – ибо даже самое святое в конце концов забывается и стирается из памяти – должны забыть вас, самое имя немецкого народа, немецкую свободу и честь? Их сильные длани должны сражаться за тех, кого ненавидели ваши предки? Их сильные длани, что станут в итоге французскими, их крепкие сердца, что станут французскими сердцами, должны сражаться против вас за французов и помочь им покорить, поработить вас? - Ведь если у французов сохранится их могущество, они никогда не перестанут пытаться поработить вас, и это им в конце концов удастся на деле – те, что остались германцами при римской тирании, ибо их сердца презирали чуждое, должны теперь спустя почти 2000 лет после Юлия Цезаря превратиться в своего рода потомков Рима, должны стать французами? Потомки треверов, нервиев, адуатуков, эбурунов, сигамбров и франков должны стать прислужниками чужаков, должны познать свободу лишь на слух как дальний отзвук древних времён, а не сердцем? – Ведь там, где правят французы, свобода не живёт. – Это вы желаете терпеть, это должно случиться с ними? С этой страной? С этим народом? И с какими мужами? Со сколь близкородственными мужами? Или вы их не знаете? Неужели вы не ведаете, какими братскими узами вы с ними связаны? Спросите себя, живущие вокруг Росток и Штеттина, Данцига и Кёнигсберга, Гамбурга и Ганновера, спросите себя, померанцы, пруссы, жители Марки, голштинцы, брауншвейгцы, даже вы, далёкие жители Семиградья, спросите себя, не отправились ли ваши предки в древние времена отсюда и из Вестфалии, чтобы населить опустевшие области славян и построить

города и деревни, построить свободную жизнь? Спросите себя, не отсюда ли родом те немецкие добродетели и та любовь к свободе, что вам присущи? И эти земли, этих людей, этих ваших товарищей по крови вы столь легкомысленно желаете обречь на погибель? – А голландцев – потомков батавов и фризоров, этот благородный и великий народ, сражавшийся в течение ста лет за независимость Европы под знаменем свободы и Нассау, породивший героев и законодателей, изобретателей и художников, о которых только мечтают иные народы с территориями в двадцать раз больше них, вы тоже хотите оставить в порабощении, чтобы они в конце концов научились любить французскую мишуру и забыли гордость и серьёзность их предков? Такова благодарность за то, что они так часто окрашивали ради вас своей кровью воды вашего Рейна и вашей Шельды, да и вашего Дуная, что волны Атлантики, даже волны сицилийского моря красны от крови, пролитой ими ради вас? – А если они покажутся вам чужими, то посмотрите на ближних своих – но я говорю вам, что и ближние не смогут быть свободными, если не освободить тех – посмотрите на живущих между Рейном, Мозелем и рекой Саар, пасущих свои стада на берегах Рёра и Мааса, и краснейте, если вы не надеетесь на то, что они вновь станут детьми Германии, если вы не поклянетесь перед Господом и всем миром, что желаете вернуть их на родину. Бросьте ваш взгляд на эти реки и земли, обратите ваши сердца к ним! Что вы видите? Что чувствуете? Вы видите землю, напоминающую вам о прекраснейших трудах и сражениях нашего народа, вы видите истоки и начала вашего народа, самые древние и священные воспоминания об империи немцев, колыбели нашего формирования, города, в которых избирали, короновали и миропомазали ваших императоров, могилы, в коих покоятся ваши императоры, ваши верховные канцлеры, ваши архиепископы, памятники вашей славы и вашего величия, куда бы вы ни посмотрели, куда бы ни ступила ваша нога – и вы смогли бы смириться с мыслью о том, что всё это, самое древнее, самое досточтимое, самое немецкое, должно стать французским? Если да, то вместе с этой мыслью вы смиритесь и с французским порабощением. Аахен, Штрасбург, Майнц, Кёльн, Трир, Люттих, Шпайер, Вормс, немецкий Кёнигштуль под Рензе, поля битв, на которых вы столь часто побеждали французов во имя свободы, отважный, живой и талантливый немецкий род, населяющий эти благословенные места, это самое истинное, древнейшее сокровище вашего имени – всё это вы могли бы оставить чужакам? Те памятники, что построили ваши достопочтенные и набожные предки в Кёльне и Антверпене, в Штрасбурге и Амстердаме в честь Предвечного, память о седом героическом времени и столь многие иные святыни вашей сущности и вашего искусства вы желаете отдать тем, чьи взгляды никогда не устремляются ввысь, тем, кому эти великолепные памятники не предвещают ничего вечного? – О нет! Нет! Вы этого не желаете, вы не можете этого желать. Воистину, мощи ваших предков перевернулись бы в своих гробах и воскликнули бы «О горе, горе!», обращаясь к вам и вашему Отечеству, кое вы бросаете; перевернулись бы в гробах мощи всех убиенных, отдавших свою жизнь ранее в битвах на этих побережьях, на этих полях, чтобы Рейн и его прекрасные области

оставались немецкими и говорили по-немецки; все те миллионы немцев, давно ушедших к праотцам, стали бы призраками для вас; все те, кто погиб здесь от французского меча или были погублены французской жестокостью и издевательствами, когда Людовик XIV и Лувуа отправили сюда своих поджигателей-убийц и опустошили рейнские края, превратили города и деревни в горы пепла, разорили в Шпайере могилы ваших великолепных императоров, а в Гейдельберге развеяли по ветру прах древних пфальцграфов, когда французские дикари в 1790 и 1800 гг. ворвались сюда и под сладкие и льстивые речи о свободе, равенстве и благодати принесли немецким землям обман и предательство, грабёж и смерть – все они, все духи лучших из немцев превратились бы в призраков и стращали бы вас, проклинали и внезапно отняли бы у вас вновь всякое счастье, что столь чудесно даровал вам Господь.

Так молвила бы немецкая Верность, так примерно стала бы говорить она, но в значительно более сильных, резких и простых выражениях и словах; она так пробудила бы в вас немецкую любовь и честь, так рассказала бы вам о нынешних и будущих счастье и невзгодах, что вы не стали бы бросать на милость французов ваших братьев, детей вашего Отечества, но должны были бы сражаться не на жизнь, а на смерть, пока не вернули их себе и не отвоевали им свободу. Она бы научила и образумила вас много больше и лучше, поведала бы вам о Господе, долге и чести вашего имени, о примерах из вашей истории так, что вы не могли бы не сделать того, что правильно и необходимо. Поскольку же я не способен выразить и описать это с её простотой и сердечностью, то я желаю от её имени обратиться ещё с одним словом к вашему разуму и попытаться объяснить рассудку то, что не каждый может высказать сердцу.

Политика выше достаточно доказала, что, если французы сохраняют за собой Рейн и земли по ту сторону его, то Германия не сможет избежать опасности, даже неизбежности своего порабощения. Если Рейн останется французским, то Германия всегда будет беззащитна перед Францией, будет зависима от Франции, а большая часть Германии вскоре вновь будет подчинена французам; то, о чём мы здесь горевали и на что гневались, вскоре повторится в ином виде; то, что нам все эти пятнадцать лет⁴ казалось отвратительным и ужасным, будет более приемлемо для наших детей и внуков в силу обыкновения и привычки; чума, которую ныне ещё можно было бы истребить, проникла бы в кровь и стала бы неистребимой; мы на самом деле были бы порабощены, лишь как только будут порабощены сердце и мысль. До сих пор я в основном говорил о тех опасностях, которые грозят нам в связи с внешним положением, мощью и гегемонией французов. Эти опасности – не самые ужасные: их можно устранить при помощи удачи, отваги, одним лишь героическим духом, пробуждающимся в лихую годину. Теперь же я хочу поговорить о скрытых опасностях, кои приходят тихо, как воды, что долго струятся под горами, подмывая их основы, пока гордые вершины не рухнут во влажные глубины: об опасностях, которые невозможно устранить или предупредить силой оружия, которые навечно изгонят счастье,

---

⁴ В 1797–1798 гг. французы захватили весь Рейн, заняв Майнц и Эренбрайтштайн (*прим. Э. Вильдберга*).

ослабят отвагу и выкорчуют все ростки, способные породить германских героев, будущих спасителей.

Эти скрытые опасности – ничто иное, как постепенное уничтожение и истребление немецкой сущности и немецкого своеобразия. В последние столетия мы год за годом становились всё более слабыми, мягкотелыми, теряли свою сущность; история наших великих и досточтимых предков перестала быть для нас живым и воодушевляющим воспоминанием; немецкая земля, немецкий народ, немецкая свобода, немецкая честь стали пустыми звуками; священные в прошлом, иллюзорные представления об императоре и империи, об их власти, великолепии и величестве рассеялись – всё ушло, забыто, да и почти умерло. Мы уже не были похожи на тех прежних людей, мы стали хуже наших предков; но мы всё ещё были немцами, у нас ещё оставалось многое, что могло бы вновь породить статных и крепких немецких мужей, породить вновь великий и устрашающий немецкий народ, если бы над миром пронеслось оживляющее дыхание духа и если бы оно повеяло на неподвижные и ленивые массы. Если же французы останутся повелителями Рейна, если Штрасбург, Майнц, Кёльн, Аахен останутся французскими городами с французскими гарнизонами, академиями и театрами, то мне не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какими людьми станут немцы, живущие по эту сторону Рейна, через сто, даже через пятьдесят лет, даже если случилось бы немыслимое: что французы при всей их гегемонии не стали бы столь долгое время нападать на них со своим несправедливым оружием и не пытались бы покорить их. Я кратко поясню свои слова об этих скрытых опасностях, которые в мирное время, даже в самых мирных и дружественных обстоятельствах, окажут самое разрушительное воздействие.

Если французы будут господствовать на Рейне, то они будут властвовать над сердцевиной нашего народа, они нападут на нас в самом средоточии нашей жизни, они разрушат самые ростки нашей сущности. При благоприятных обстоятельствах, которых, впрочем, ожидать не приходится, но которые всё же возможны, Германия могла бы, наверное, какое-то время оставаться сильной на востоке, даже если бы французы не вернули нам отобранные у нас территории; но как немецкий народ она, несомненно, долго не продержится, она вообще не останется надолго немецким народом, если французам оставить господство на Рейне. Рейн и прилегающие к нему земли, а также ближайшие к ним территории Швабии, Франконии, Гессена, Вестфалии и Брауншвейга суть ядро и сердце немецкого народа, кои наполняют все его артерии, да и все члены его тела его истинной жизненной энергией и его живейшим жизненным духом; там обитает истинная немецкая сущность, если только она не сон; оттуда перелетает она как нежный и тайный жизненный эфир сообщества со всеми её невидимыми и едва уловимыми духами вплоть до Лейты и Айдера, даже до Мемеля и Тисы к родным нашим братьям. Но Германия существует и в иных местах, она живёт во Фленсбурге и Кёнигсберге, в Бреслау и Штральзунде; но там она не столь немецкая, как здесь, на юге. Это исторически объяснимо, это можно истолковать, исходя из наших обычаев и образа жизни, наших искусства и литературы – насколько можно показать и истолковать самую сокровенную жизнь народа и его

самую своеобразную сущность. Здесь, на обоих берегах Рейна, на вышеназванных землях, всегда сохранялось в сплочённом виде всё германское посреди всех бурь столетий при всех перемещениях и сменах народов, оно даже ещё более сплотилось именно из-за этих бурь и перемен: я хотел бы сказать, что из-за них оно стало ещё более крепким и процветающим. После великого половодья народов, хлынувших в пятом и шестом веках нашей эры на запад и юг, которое принято именовать Великим переселением народов, восток и север Германии почти обезлюдели из-за переселявшихся на юг жителей, и чужие славянские племена добрались до Инна, Фихтельгебирге, Эльбы и Заале, до тех опустевших и незащищённых земель, оставшись там на несколько столетий. Наконец, после долгих и тяжёлых войн они были частично вытеснены немцами на восток, частично же покорены или истреблены. На эти теперь уже вновь опустевшие земли славян, в прошлом – места проживания англов, саксов, герминонов, варинов, лангобардов, ругиев, герулов, готов, квадов и маркоманнов, пришли немецкие колонисты, а над ними стали властвовать немецкие господа, они построили замки, крепости и города и стремились постепенно германизировать народ. На большинстве этих земель благодаря ходу времени и этому господству, а также благодаря превосходству в образованности воцарился немецкий язык, вобравший в себя большинство славянского; но в нём всё ещё осталось много следов негерманского, что можно доказать на основании некоторых признаков и явлений. Это утверждение покажется менее подозрительным, если учесть, что утверждающий это родился на земле, которая, вероятно, с V–VI вв. до конца XII в. была почти сплошь славянской⁵. А на юге Германии, напротив, германское оставалось более чистым и несмешанным в данных границах, и туда следует отправляться паломникам, желающим увидеть истинно немецкое, там следует искать чистый германский дух: то весёлое добродушие и благочестие, ту детскую наивность и естественность, ту пламенную гордость за истину и свободу, ту благородную и искреннюю прямооту и грубость, то неопишное своеобразие жизни, языка и обычаев, наконец, даже ту комплекцию, тот силуэт бедра и груди, то движение волос, тот взгляд, короче говоря, весь тот облик, то наглядное, но неопишное, что означает собственный народ. В Силезии, Пруссии, Курляндии, Мекленбурге ты найдёшь множество людей, говорящих по-немецки, которых ты, однако, сочтёшь представителями других народов, но здесь, в древней исконной части Германии, говорящие по-немецки покажутся тебе вполне настоящими немцами. Меня поймёт лишь тот, кто в известной степени принял в своём сердце и прочувствовал сказанное здесь. Швабию, Вестфалию и рейнские земли надо посетить тому, кто желает найти ключ к истории немецкого народа и прояснить для себя истоки его образованности и развития; там до сего дня, вплоть до злосчастных последних лет, стремившихся уничтожить всё прежнее, сохранялось большинство обычаев, традиций, жизни и уклада, позволяющих проникнуть в давно ушедшие столетия

---

⁵ Э.М. Арндт родился 26 декабря 1769 г. на острове Рюген, тогда ещё принадлежавшем Швеции. Этот остров первоначально населяли германцы, которые во время Великого переселения народов были вытеснены сорбско-померанскими славянами. При почти 800-летнем датском и шведском правлении на Рюген вернулась германская кровь (прим. Э. Вильдберга).

и пробраться наощупь, держась за них как за нить Ариадны, на свет через тёмный и запутанный лабиринт немецкой истории. Оттуда во все земли текли неприметно и без огласки изящные и тайные дуновения немецкого духа; из этого сокрытого огненного моря вылетали искры, сохранявшие на пространстве до Балтийского моря и до Польши и Венгрии живым то, что можно было называть немецким.

Я не желаю здесь возобновлять смешной тщеславный спор, отчасти позорный в силу того умысла, с которым ведут его иные, о преимуществах северно-немецкого или южно-немецкого. Аристотель и Платон уже утверждали, что у юга больше огня и духа, а у севера – больше крепости и тела; будь то верным или неверным, но юг всегда покажется живее, пламеннее и подвижнее, чем север. Не берусь здесь и сосчитать, сколько прекрасных гениев искусства и науки подарил немецкому племени наш юг – это было бы напрасной тратой времени – я лишь в целом признаю, что дух связан не с определёнными местами, а с определёнными народами. Германские умы даже в самых холодных регионах не застывают. Касательно тех, кого охватывал южнонемецкий патриотизм, я укажу лишь на то, что Снорри Стурлусон был исландцем, великий скульптор Торвальдсен – исландцем, Тихо Браге, Линней, Сергель, Беллман, Густав Адольф, Торстензон, Карл XII родились в Швеции, Бэкон, Шекспир, Ньютон – в Англии, что Пруссия чтит своих Коперника, Канта и Гердера, что Лейбниц был родом из Лейпцига, Гершель – из Ганновера, Фридрих II и Цитен – из Марки, что Шверин, Винтерфельдт, Шееле были померанцами. Но верно и то, что на немецкий север не могли не повлиять пришедшие с юго-запада известная живость, известная освежающая жизнь, известное духовное дыхание, кое я хотел бы назвать чисто германским воздухом. И если север воспринял это тихо и незримо, то от него на юг распространилось, в свою очередь, другое дуновение духовной жизни, и так всё целое, что иначе именуют германской империей и немецким народом, взаимно притягивалось, стимулировало, пропитывало и пронизывало, хотя это великое взаимовлияние и невозможно было показать в деталях; ведь всё, что есть непосредственно жизнь и воздействие, воистину нельзя предъявить взору. Я не принижаю северных немцев в сравнении с южными, каждый своеобразен, у каждого свои достоинства и недостатки, и лишь путём свободного обмена между немцами, живущими на Немане и на Шельде, на Айдере и на Адриатическом море, смогло просуществовать то целое, что прочим народам явилось как особенная немецкая натура и творение, достойные уважения. Всё то сердечное, верное, смелое и гостеприимное, чем обладают прусс и померанец, что составляет, творит и формирует живость и усердие силезца, серьёзность и верность жителя Марки, упорство и добропорядочность голштинца, – это перетекло незримиными потоками духа до самого Неккара и Мозеля, это помогало и там созидать и сохранять немецкую Отчизну, так что при этой мысли всякий немец не может не подумать, что то замечательное и добротное, что присуще каждому в отдельности, переходило ко всем немцам и принадлежит всем им.

Однако вернёмся к моему утверждению, которое подтверждается всей длительной историей Отечества, что рейнские земли, Швабия и Вестфалия – это ядро и костный мозг немецкого народа, что оттуда исходило всё лучшее и благороднейшее немецкое, что туда будет вечно возвращаться и оттуда должно проистекать то, что в обычаях, устройстве общества, науке и искусстве должно нести на себе печать истинно немецкого. Германия обитает и на Немане, и на Одере, и на Драу, но здесь это исконная Германия, во времена оно – средоточие немецкой жизни и немецких обычаев; здесь заложено неисчерпаемое сокровище немецкой сущности, языка и истории, почерпнуть из коего приезжают сюда немецкие братья из самых дальних мест и которое никогда не сможет иссякнуть. Если же случится несчастье, и французы сохранят Рейн за собой, то всё немецкое будет отравлено и задушено в своих корнях: Германия может сохранить своё имя ещё на столетия, но вскоре после этого Германии не будет. Владея Рейном и землями на том берегу, французы будут обладать преимуществом в мощи и оружии, которое с непреодолимой силой поставит на колени и области по эту сторону Рейна. Политическое преобладание и политическое давление никогда не остаются разрозненными, они воздействуют на жизнь, обычаи, устройство общества, искусство, они с необходимостью воздействуют на всё. Мы знаем, с какой жестокой планомерностью и с каким насилием стремились Наполеон и французы в течение десяти лет истребить немецкие обычаи и немецкий язык, да и всякую любовь к прежнему и всякое воспоминание о нём на той стороне Рейна. Если Рейн останется у них, то через несколько десятилетий им удастся добиться большинства своих целей, и французские обычаи и французский язык станут всё более общеупотребительными и будут всё более господствовать сначала на Рейне, а потом – и на этой стороне, на территориях в двадцати, тридцати, а то и пятидесяти милях от этого берега; всё немецкое сначала будет подавлено, затем распадётся и, наконец, обратится в пыль; весь народ до Леха, Фихтельберга и Эльбы, лишённый поддержки и свежести жизни и воодушевления изнутри самого этого народа, превратится в конечном итоге в народец, состоящий из жалких обезьянничавших полуфранцузов. Вот тогда немецкое умрёт на самом деле, исчезнет без спасения и без возврата на веки вечные, и даже самые восточные и северные германские земли, корни и стволы которых будут повреждены и изъедены, ощутят свою погибель и в конце концов пропадут в своей бесхарактерной и бездушной ничтожности, растворясь в чужом.

Вот какова моя Германия, это я желал показать или хотя бы обрисовать, чтобы призвать на помощь и сохранить то, чему ещё можно помочь и что можно сохранить. Вот что я любил и во имя чего я жил, это было для меня самым великим и священным, это были мой немецкий народ, моя немецкая свобода и честь; ради этого говорил я, а не во славу оружия или блеска правителя или всей той помпы и той мерцающей роскоши имени, которые суть ничто без радости и жизни. Рим был великим, он был бессмертным и божественным, когда в нём жили его Фурии, Деции и Фабриции, когда его границы и его добродетели всё ещё не выходили за пределы Альп и Средиземного моря; Рим был малым, он был ничтожным, позорным, когда он захватил весь мир, когда на Темзе и Ниле, на

Евфрате и Тахо сверкали орлы его императоров. – Эту Германию мы хотим сохранить, за эту Германию мы сражаемся и просим Господа и людей, чтобы они не дали ей погибнуть – за эту досточтимую страну обычаев, законов и добродетелей, известную своими искусством, науками и изобретениями, одухотворяющую и сохраняющую мир тихим усердием и набожностью Германию, но не за пустые названия, выхолощенные звуки и тщеславие произносим мы речи и просьбы и сражаемся. Здесь Германия, здесь она, вот она, и её должны сохранить честные немцы. Окрестите страну и народ иначе, назовите её, скажем, Саксонией или Пруссией, Баварией или Голландией, нареките её Гуронией или Чувашией, дайте ей имя, какое только пожелаете, – названия и впечатления нам безразличны, главное – лишь дело и действительность. Но если вы дадите этой нашей собственной Германии погибнуть – а она погибнет, если вы позволите французам то, чего я не желаю им позволять – то пусть даже все земли до Днепра и Геллеспонта, даже до Урала и Геркулесовых столпов именуется Германией, пусть там даже говорят по-немецки, мы уже не сможем радоваться тщете, мерцающей тленности мёртвых, мы не станем славить просторы и глубины. То, чем мы владели столетиями, даже тысячелетиями, богобоязненность, справедливость, добропорядочность, храбрость, свобода, то, что мы создали, закон, обычаи, науку и искусство, – это наша Отчизна, наша Германия, это мы называем своей родиной, своим немецким Отечеством, и это мы хотим сохранить; за это наши юноши так радостно идут ныне на поле брани и сражаются, как когда-то сражались их предки, херуски, марсы и хатты, и умирают, как умирали они.

Но мы глубоко презираем тех несчастных и негодных болтунов, кои без знания истории и без благоговения перед Божественной волей, проявляющейся в этой истории, желают доказать нам, немцам, что мы просто должны стать прахом и пылью, в которые другие народы будут сажать свои семена, чтобы для них расцвела более прекрасная жизнь. Промысел Господа в могучем и тайном течении времён не скрыт от нас, не является тайной для нас даже на мгновение: мы должны до смертного часа защищать нашу любовь и нашу жизнь, то, что делает нас людьми, то, благодаря чему мы заслуживаем досточтимого названия «народ», и не слушать тех пустых и тщеславных глупцов, которые хотели бы своими проповедями убедить нас стать пеплом, ибо их души и есть ничто иное, как тленный и гниющий прах. Тот космополитизм, который нам так расхваливают, – не от Бога, а от тиранов и деспотов, желающих превратить все народы и страны в большую кучу обломков, в навозную яму порабощения; поэтому им так нравится, когда толпе указывают на то, что для всех было бы благодеянием, если бы тот или иной народ добровольно позволил повергнуть себя в прах. Признак жалкого и бесчувственного человека – это то, когда он вечно трезвонит о далёком и всеобщем, но ничего не делает для близкого и конкретного, кто любит свою жену, своих детей и соседей менее, чем чужаков, того по праву считают дурным человеком; кто не любит, не защищает и не удерживает близкого ему, у того нет ничего близкого, у того нет ближнего, его уста полны прекрасных звуков, и на его губах звучит роскошь, но он лишь измотанный распутник или

отживший своё глупец. Наш дом, наши дети, наши соседи, наша земля, наш народ – их мы должны любить и защищать превыше всего, ведь так мы любим и защищаем лучше всего страны и народы. Но пусть будут прокляты те *гуманность и космополитизм*, которыми вы кичитесь! То всемирное мышление, которое вы расхваливаете нам как вершину человеческой образованности! О простите мой пыл, вы, потомки Авраама! Хотя вы и рассеяны по всему миру, вы стали досточтимым народом благодаря настойчивой любви к *своему* и защите его. Если бы мы, немцы, были похожи на вас в этом, то наши космополиты не смогли бы нас рассеять.

Если же Рейн и отнятые у нас земли с Божьей помощью будут присоединены к германской империи, то желательно, чтобы на Рейне повелевали самые могучие немецкие князья, Австрия и Пруссия, тем более что там рядом - Эльзас, Нидерланды и множество иных земель габсбургского и бургундского наследия. Мы также осмелимся надеяться на то, что Республика объединённых Нидерландов, этот отважный, справедливый и благородный народ, которому Европа и Германия обязаны столь многим, станет более тесно и прочно связана с германским государством и Великобританией⁶, дабы чужаки в будущем не надеялись на лёгкую добычу. Что благотворно и целительно для всех, что принесёт всем большее согласие и безопасность, что свяжет всё ещё чисто германские племена и народности более прочной любовью и верностью, этому как счастьем и мудрости грядущего нас научило время, которое мы до сих пор были вынуждены с дрожью называть *нашим веком*. Если же мы поставим на границу с Францией слабых князей и создадим там слабые области, то интриги, страх и насилие слишком быстро возвратят к жизни те несчастья, которые мы оплакиваем и проклинаяем. И швейцарцы, почти все – немцы, в течение двадцати лет уже, наверное, усвоили, что благоразумнее опереться на германскую справедливость. Они поняли, как им воздалось за то, что они вот уже три столетия постоянно покорялись Франции и отдавали ей своих соседей на растерзание.

Я молвил своё слово о нашем Рейне. Пусть эти лёгкие и витающие слова не совсем рассеют ветры! Предмет этот, конечно, касается нашего ближайшего блага или страдания, и я хотел бы, чтобы мои рассуждения о нём показали каждому со всей очевидностью его значимость, чтобы это проникло в каждое сердце. Я мог бы сказать, что *я спас свою душу*; но от речей спокойнее не становится. Если французы удержат Рейн, то я потеряю *свою* немецкую родину; тогда придётся мне поступить, как поступили аисты Аквилеи, когда Аттила осадил этот город и штурмовал его стены: мне придётся расправить свои крылья и перелететь в другую германскую страну, ибо моя Германия и моя любовь тогда исчезнут. Ибо мои дети не должны стать полуфранцузами.

Скрижали истории лежат раскрытыми перед нами: то, что происходило в течение тысячелетий, что могло бы случиться через тысячи лет, ярко представили

---

⁶ Э.М. Арндт долгое время верил в искренность свободолюбия Англии. Лишь позже он понял, что островной империи важны лишь материальные преимущества. Данное обстоятельство объясняет это его суждение (*прим. Э. Вильдберга*).

нашему взору последние двадцать лет. То, в чём всё ещё сомневались наши сердца и для чего мы не могли найти даже малейшего понимания и объяснения, – в это невероятное и чудовищное научились верить наши сердца, а наши глаза – видеть и выносить. Сотни тысяч мужей задушены на наших глазах, как бьют мух, человеческая кровь лилась перед нашими взорами как вода, человеческие трупы и человеческие останки нагромождены перед нами как горы, человеческое счастье уничтожено самым бессовестным образом при помощи жесточайшего вероломства и насилия – ужасы древних времён, которые мы считали россказнями, и грубость дикарей, казавшуюся нам невозможной, продемонстрировали европейцы девятнадцатого столетия, якобы, несшие миру омоложение и счастье. Дело дошло до того, что ныне существуют лишь два вида людей: людоеды и их жертвы. Наше время и наша честь будут навечно опозорены в истории, если мы не извлечём мудрость из несчастья, справедливость из жестокости, если мы не придадим прекрасным добродетелям верности, мягкосердечия, благочестия и отваги столь высочайшего блеска, что их божественное сияние затмит развалины и позор последних лет. Наша миссия, главная задача нашего времени, состоит в том, чтобы мы научились проявлять справедливость и человечность и ставить превыше всего древнее немецкое наследие – отвагу души и серьёзность обычая, за которые восхваляли наших предков. Тогда мы не погибнем, и Господь будет благословлять наши знамёна и освещать их победами, и Господь, о котором мы слишком долго не вспоминали, поселится в наших хижинах и дворцах и вселит то, что правильно, похвально, мудро и благородно, в сердца тех, кто держит в своих руках судьбы народов и будущие роковые предначертания.

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

17.01.2026
24.01.2026
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

17.01.2026
24.01.2026
07.03.2026